
Перекрёстки судеб
Путь Истока
Анна Миолай
18+

Путь Истока

Анна Миолай

Перекрестки судеб

«Автор»
2026

Миолай А.

Перекрестки судеб / А. Миолай — «Автор», 2026 — (Путь Истока)

Королева Иоленти правит Хортландом, но давно уже не принадлежит себе. Магия фэйри сковала ее разум, превратив в марионетку в ее же дворце, полном чужаков. Она вынуждена улыбаться тем, кто отнял у нее свободу, а ее слова — лишь эхо чужой воли. Но ненависть сильнее чар. И королева начинает свою игру, ставкой в которой станет не только трон, но и судьба всего королевства.Дочь провинциального барона Мэй Кэтрилан вместе с другими одиннадцатью девушками была отдана в дар фэйри. Она мечтала увидеть чудеса Альвхайденгарда, но оказалась в самом центре заговора, способного потрясти земли фэйри. Ей предстоит решить, кому можно доверять, а кто использует ее в своей игре.Тара, не по своей воле когда-то взявшая в руки оружие, нанялась провести двух фэйри Двора Лета через земли Хортланда. Но путешествие оказывается сложнее и опаснее, чем казалось. Она что-то потеряет в этом путешествии, а что-то обретет. И только ей решать теперь, насколько ценнее обретенное потерянного.

© Миолай А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Тара. Глава 2, в которой двое фэйри впервые сталкиваются с несправедливыми обвинениями 13
Тара. Глава 3, в которой мы узнаем, сколько стоит жизнь фэйри 23
Тара. Глава 4, в которой Дара покупают со всем его имуществом 29
Мэй. Глава 5, в которой Мэй слышит сплетни и возмущается 35
Мэй. Глава 6, в которой молодые леди прибывают в столицу 45
Иоленти. Глава 7, в которой мы узнаем немного об истории отношений людей и фэйри 50
Иоленти. Глава 8, в которой Иоленти пытается найти союзника, но понимает, что все тщетно 57
Мэй. Глава 9, в которой на Мэй обращают внимание, а потом не замечают вовсе 65
Мэй. Глава 10, в которой Мэй и Лайи прощаются с прошлой жизнью окончательно, а Эйверин'айт начинает что-то подозревать 72
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Анна Миолай
Перекрестки судеб

Тара. Глава 1, в которой два фэйри очень хотят на праздник, а третий очень не хочет, чтобы они туда попали

– Ну, посмотри внимательнее, прошу! – фэйри в видавшем виды плаще непонятного цвета показывал трактирщику изящную, но весьма потертую шкатулку из черного дерева. На расписанной крышке встал на дыбы серо-голубой жеребец с кудрявой гривой, его копыта отливали серебром, а вокруг рассыпались, словно настоящие, капли воды. – Кто-то заплатил тебе этим за ночлег и ужин. А ты ее заложил у ювелира…

Трактирщик, лысоватый мужик с красным опухшим лицом и трехдневной щетиной, все пытался отвязаться от назойливого посетителя пусть даже и заказавшего обед, и оплатившего вперед. Мало ли что там проходило через его руки? Лекснхарп – город в приграничье. Тут и до Узмира рукой подать, и совсем близко дорога на Луи'занэр, открытый для свободной торговли город фэйри. Всякое бывало. Ему чем только за ночлег и миску похлебки не платили.

Правда, шкатулка была и в самом деле приметная.

Трактирщик положил на стойку руку, сложив пальцы в том самом жесте, которым обычно намекают, что разговоры – это хорошо, а деньги – еще лучше, и сказал:

– Да, было что-то такое, кажется.

Фэйри сей жест понял, хотя слегка ему смутился. Эти остроухие вроде и похожи на людей, а подобные намеки воспринимали странно, все как один. Этот, правда отнесся проще, не стал переспрашивать, достал откуда-то из складок плаща располовиненную серебряную монету и одну половинку положил на стойку.

– Ну?

Трактирщик хмыкнул, сгреб полмонеты и сказал:

– Твой сородич и отдал. Фэйри.

– Как он выглядел?

– Думаешь, я помню? Остроухий. В каких-то обносках. Денег у него не было. Из ценного только это, – трактирщик указал пальцем на шкатулку, – а ты что, продать ее тут хочешь? Так тут вашего фэйрийского валом всякого барахла…

– А потом?

– Что потом?

– Он у тебя переночевал. Дальше что? Куда он пошел? Он что-то говорил? Может, оставлял кому-нибудь сообщение?

– Пффф… – выдохнул трактирщик, – куда захотел, туда и пошел. Тому уж года полтора как минуло. Я, что, каждого проходимца помнить буду?

Фэйри вздохнул. Сведения его явно не порадовали. Но вторую половину монетки на стойку он все же бросил, сгреб еду за которую заплатил ранее: полбуханки хлеба, сыр и три моченых яблока, и пошел к выходу. В пропахшей кислым пивом и горелым луком таверне обедать он явно не собирался. Попутно он бросил взгляд на двух других своих соплеменников, устроившихся за одним из центральных столиков и что-то активно обсуждающих. Те ответили ему раздраженным взглядом двух пар изумрудных глаз. Он повернулся к двери и едва не врезался в светловолосую молодую женщину в мужской одежде.

Та легко увернулась от столкновения, пропустив его наружу.

Фэйри мгновение смотрел на нее, потом отвел взгляд, пробормотал извинения и поспешил ретироваться.

Трактирщик хмуро проводил его взглядом, потом перевел взгляд на нового посетителя.

– Баба в штанях, – пробурчал он себе под нос, – еще и с мечом. Знамо дело, что за цаца.

В городах, что стояли на самой границе с Узмиром, тем более в таком, как Лекснхарп, встретить женщину в мужском платье не было чем-то из ряда вон выходящим. Такие были и среди авантюристов, ищущих разные сомнительные предприятия, сулящие хороший заработок, и в бандах, что нападали на купцов, идущих с запада и севера.

Авантюристы и банды появились пару лет назад, когда закончилась война с Узмиром. Хортланд немало денег потратил тогда на то, чтобы вести ее исключительно силами наемных армий. И армии эти разрослись до небывалых размеров.

А потом была победа. И в наемниках отпала необходимость. Кто-то просто распустил свои отряды. Кто-то, из господ побогаче, продолжал их содержать для личных нужд.

Вот распущенные... или отпущенные наемники далеко не всегда с охотой возвращались к мирной жизни.

На эти банды периодически устраивали рейды местные землевладельцы. Однако переловить всех лиходеев, конечно, не удавалось. Спустя время они снова сбивались в новые шайки и терроризировали торговые тракты.

При чем тут бабы? А трактирщик бы и ответил. В наемники всех принимали. Женщин, мужчин, неважно. Понятное дело, что бабы-то и не воевали особо. Трактирщик был вполне уверен, что знает, для чего наемникам их боевые подруги. Ну да, немного драться то их там, наверное, учили...

Только обычно бабы предпочитали арбалеты, луки, длинные кинжалы. А тут, поди ж ты, меч на поясе.

Между тем посетительница подошла к стойке, встретившись взглядом с так пристально разглядывавшем ее хозяином таверны.

Совсем молодая девка, как оказалось при ближайшем рассмотрении. Просто не тонкокостная, и плечи широкие, да талия не перетянута корсетом. На такой бабе бы пахать да пахать. А она туда же. За меч.

У девицы были светлые обрезанные до ушей волосы и серые глаза, веснушки на носу и щеках и черты лица деревенской простушки.

И трактирщик почуял, как запахло легкой наживой. Как почуял, так и скис, как только девица выложила на стойку медный жетон.

Наемница. Настоящая. Прошедшая обучение, состоявшая в регулярном войске, побывавшая на войне с Узмиром и покинувшая наемников по собственному желанию, а не потому, что войско распустили. Имеет право наняться в охрану купеческого обоза или где-нибудь в городе к местным толстосумам. И даже если она убьет кого по долгу службы, спроса с нее никакого не будет.

Вот это для бабы редкость.

– Если ты ищешь работу, то опоздала, – на самом деле трактирщику захотелось отвязаться от девицы, так же, как только что он мечтал отделаться от надоедливого фэйри, замучившего его расспросами, – два купеческих обоза как раз вчера набрали охрану. Хотя... можешь пойти попроситься к ним. Поварихой возьмут.

Заметив, как изменилось выражение лица девицы, он замолчал, пожевал губами и сказал:

– Ну, вон еще фэйри, – ткнул пальцем туда, где с самого утра сидели двое нелюдей, – ищут себе проводника в Хортланде.

Четверо таких же наемников и двое авантюристов до нее после этих слов просто разворачивались и уходили. Один все же завел с фэйри разговор. Но почему-то у них не сложилось. Вот тот, что пришел с вопросами и шкатулкой, кстати, перекинулся с ними парой слов. Правда, и там диалог вышел короткий, и, кажется, они расстались в некотором недовольстве друг от друга.

Так что девица тоже посмотрит да и пойдет своей дорогой. А этим к вечеру надо будет сказать, чтоб тоже шли. В его таверне комнат не сдается. Пусть проваливают. А то что-то много их стало прямо-таки повсюду.

Но белобрысая девица посмотрела на уже явно приунывших фэйри с интересом. А потом и вовсе подошла к их столику.

Ну, тоже неплохо. Заключат контракт, трактирщику заплатят, как положено, два серебряных талера.

***

Тара никогда не бралась за заказы, которые так или иначе были связаны с убийством. Это касалось и тех, что передавались анонимно в тавернах гильдии, и тех, с которыми заказчик обращался непосредственно напрямую к наемнику. Дело было не в риске. И не в правосудии. Первое – для наемника обычное дело. От второго при заключенной на бумаге сделке наемник был гарантированно защищен. За убийство отвечает только заказчик. Наемник, состоящий в гильдии, перед законом чист.

В эту же категорию она относила те случаи, когда кто-то нанимал больше десятка людей, вооруженных и умеющих этим оружием пользоваться, без четкой цели. Так собирали дополнительную силу в банды для какого-то большого дела.

Убивать ей, конечно, приходилось. Первый ее раз в войну Хортланда с Узмиром, ничего, кроме отвращения и ужаса у нее не вызвал. Но она была частью наемной армии леди Эвандры Касс. Ее к этому готовили и учили сражаться несколько лет. Это было ее… работой, от которой она не могла отказаться.

Товарищи по оружию, если так можно было назвать наемников, тогда говорили, что девка она молодая, привыкнет и войдет во вкус, ей даже понравится. Дерек даже стал таскать ее с собой на всякие вылазки и диверсионные миссии чаще, чем остальных. Чтобы привыкала. Она привыкла. Но во вкус не вошла. И убийство, любое, продолжало вызывать у Тары отвращение. Если была возможность, она всегда оставляла противника в живых, кем бы он ни был. Убить можно, защищая свою жизнь, защищая жизнь других людей. Но убивать просто так, даже за деньги, ей претило.

Тому, кто когда-то вбил в ее голову эту истину, она с переменным успехом была то благодарна, то в глубине души злилась, потому что наемницей-то она стала, даже воевала в Узмире, получила знак гильдии, а вот принципам до конца изменить никак не могла. Только вот не было у нее легендарной армии, и не совершила она великих деяний, которые бы оставили такой след, что и через полвека в Нимидии и Узмире вспоминали Черных Медведей Лотара Железного Рога. Да Тара к этому и не стремилась.

Потому что и наемницей, пожалуй, никогда не мечтала становиться. Все также благодаря полученным когда-то принципам от человека, который стал легендой своего времени и о котором до сих пор вспоминали, хоть со времен его подвигов прошло больше сорока лет.

Но если наемник, мужчина, заработав на этом, немилом ему деле, достаточно золота, может прикупить земли, а иной раз и дворянство, оплатить свой выход из гильдии, осесть и забыть о пыльных дорогах Хортланда, то для наемницы все куда сложнее.

Женщина может быть дворянского происхождения по рождению. Но купить его, как мужчина, она не может. Потому как дворянство, титул и земли все равно передаются только по мужской линии, от отца к сыну. Исключением является лишь королевская семья, по понятным причинам – возможность передать корону дочери, бастарду, внуку или племяннику, за неимением прямых потомков, но лишь представителю последующего поколения, оберегала Хортланд от междоусобных войн, последняя из которых отгремела полтораста лет назад, когда родной сын короля, принц Теориан, сражался за трон с собственным дядей, но так и не смог отстоять свое право на престол. Корону после его смерти, для его сына отвоевала родная сестра принца.

В любом случае, Тара не была аристократкой по рождению, купить титул она не могла. Заработанного еще в Узмирской кампании хватило бы чтобы купить надел с домом и хозяйством. Только вот она прекрасно знала, что Хортланд – не Вольные земли, и одинокая женщина, внезапно обзаведшаяся хозяйством, станет еще той красной тряпкой для всех “быков” округи. Таких не любили, о таких судачили невесть что, такие становились в глазах окружающих ведьмами и изгоями.

То есть, пока наемница носит меч и знак гильдии, отношение к ней почти ровное, хотя все равно поглядывают с некоторым презрением – баба с мечом, куда это годится. На ней бы пахать, ей бы детей рожать.

А когда та же наемница как раз начинает пахать и хотела бы, возможно, когда-нибудь рожать детей, она тут же становилась шлюхой и солдатской подстилкой, и дел с ней никто никаких иметь не хотел.

Было еще одно исключение. Когда товарищи по оружию сочетались браком, а потом уже покупали титул, землю, хватало даже на замок. А о бароне и баронессе уже особо не посудачишь.

Только и это исключение было почти сказочным. Поговаривали, что кто-то когда-то где-то лет десять назад… Только ни имен, ни войска, ни нынешнего аристократического имени никто назвать не мог. Но об этом было приятно помечтать иногда ночью у костра с тем же Дереком. Земли, замок, баронский титул… Правда, на последнем Тара всегда спотыкалась.

“Бароном быть пренебрегу” – было написано на простом стальном разрубленном надвое кольце, кое-как починенном не великого мастерства ювелиром, так, что слово “быть” оказалось затерто. И кольцо это она носила на цепочке под рубашкой. Для ее пальцев, пусть и огрубевших от оружия, оно было слишком велико.

Дерек же мечтал о титуле, замке, крестьянах, собственном маленьком баронском войске, баронских междоусобицах и даже турнирах в Лексхэйвене, столице Хортланда.

Все это осталось мечтами. Приятными, когда есть с кем об этом мечтать. Но не более того.

И Тара все жила жизнью свободного наемника скорее по инерции, вроде бы и желая как-то изменить свою жизнь, но не представляя, как это сделать. Единственное, что она умела – хорошо управляться с мечом, арбалетом и кинжалом, выстраивать тактику боя, рассчитывать только на свои силы, если нет уверенности в соратниках, и пользоваться умениями и навыками соратников, если они чего-то стоят.

Она знала, к чему такая жизнь, в конце концов, приведет. Но пока это было ее место под солнцем Хортланда. Она нанималась в охрану обозов, в телохранители к купцам на короткий срок. Но вот с фэйри дел иметь еще не приходилось.

Конечно, невозможно жить в Хортланде и никогда не видеть фэйри. Естественно, она их видела и неоднократно.

А эти еще и выглядели как-то совсем неуместно в этом трактире, да и в Лекснхарпе вообще.

Они были слишком… яркие что ли. И дело даже не в одежде или внешнем виде, хотя и то, и другое бросалось в глаза. На них были туники ярко-зеленого цвета, практически одинаковые, как и сами фэйри, расшитые разноцветными нитями, впрочем, вышивка вполне сочеталась с цветом одежды, из-за ворота туник выглядывали воротники рубашек с похожей вышивкой, свободные штаны из плотной темно-зеленой ткани и невысокие, доходящие до середины голени остроносые сапожки с серебряными пряжками.

При приближении Тары, оба подняли на нее огромные по меркам людей, изумрудные глаза. Цвет был совершенно необычный. Конечно, людей с зелеными глазами полным-полно. Но по сравнению с цветом глаз этих фэйри, глаза людей можно было назвать зелеными весьма условно.

Оба имели русые вьющиеся волосы, доходящие до плеч.

Это все безусловно выделяло двоих фэйри из общего окружения. Пожалуй, даже несмотря на то, что одежда их, похоже, была удобной и вполне предназначенной для путешествий, не каждый аристократ мог похвастаться таким шитьем на своем самом дорогом камзоле.

Когда Тара направилась к ним, ее заметил сначала один из них. Тронул товарища или брата, так как, похоже, эти двое были близнецами, за локоть. И оба фэйри воззрились на нее с такой радостью и надеждой, что ей невольно стало не по себе.

Разве так начинают общение с наемником?

Принято изображать безразличие: не этот, так другой; хочешь денег, возьмешься за наше дело; а нет, найдется кто-то более подходящий.

Но эти двое с подобным неписанным правилом были явно не знакомы.

Ей самой даже стало несколько неловко, когда она задала обычный в такой ситуации вопрос потенциальному нанимателю:

– Говорят, у вас есть работа для наемника?

Это ведь тоже принято произносить с некоторой ленцой и почти презрением.

Фэйри синхронно закивали. Тот, что показался ей чуть-чуть постарше сказал:

– Мы ищем… – он запнулся, словно забыл слово, – ищем проводника. До Лексхэйвена.

Тара прикинула примерный маршрут. Путь неблизкий и не сказать, что безопасный. Но не такой, чтобы совсем уж отказываться от работы. Так что же смутило остальных? Низкая цена? Или что-то еще?

– Такой путь, если ехать без остановки, останавливаясь только на ночевку, займет несколько недель, – заметила она, – вам надо успеть к какому-то сроку? В Лексхэйвене вас ждут дела?

Наемник имел право знать хотя бы примерно, какова цель его нанимателя. Мало ли с чем придется столкнуться в пути. А фэйри вообще сейчас ей казались темными лошадками.

Но наниматели также, практически синхронно, замотали головами:

– Нет-нет, никаких дел. Мы хотели посмотреть на праздник середины лета. Только и всего.

– Тсам-Хрaйдс? – уточнила Тара, на что получила двойной кивок, а после две пары изумрудных глаз вперились в нее с волнением и надеждой.

Она ненадолго задумалась. В принципе, причина отказов уже была ей понятна. Наемники – люди весьма подозрительные. А фэйри редко пользуются их услугами. А тут еще и фэйри из Альвхайденгарда. Это Тара поняла по одежде. Хортландские фэйри одевались как люди. И вот такой слишком уж бьющий через край энтузиазм тоже не внушал доверия. Они были… странными. Неудивительно, что их начали обходить стороной.

Но вот Таре что-то не давало отказаться…

– Мы заплатим! – решив, что она молчит, потому что уже собирается отказать, звонко воскликнул тот, что показался ей младшим. – У нас, правда, есть чем заплатить! Двадцать серебряных талеров в день!

Тара кашлянула от неожиданности. А еще от того, что почувствовала, как взгляды посетителей таверны, прислуги, да и самого трактирщика внезапно оказались прикованы к их столику.

А кроме того, она поняла, что ее смущало в их поведении. Их речь, мимика и жесты больше подошли бы детям. И вот сейчас это неимоверно щедрое предложение в попытке все-таки договориться с проводником.

– Да у вас денег таких нет, – рассмеялась Тара, приложив между тем палец к губам, в надежде, что фэйри ее поймут, – в уши не заливайте.

Старший нахмурился, открыл было рот, чтобы что-то возразить. Но его брат, поняв правильно Тару, ответил, не дав тому и рта раскрыть:

– Ну да. Но нам так не везет с самого утра!

Тара заговорила тихо и ровно, чтобы они ее слышали, но для остальных посетителей их разговор не выглядел интересным:

– Обычно проводнику платят три серебряных талера в день, но вы должны будете оплачивать ночлег, еду и корм для лошадей. Я же, если мы договоримся, обязуюсь проводить вас до Лексхэйвена, организовать этот самый ночлег, а также буду отвечать за вашу безопасность. Относительно. Кроме случаев, где вы сами полезете на рожон.

Фэйри переглянулись, лица их просветлели, но встретившись со взглядом Тары, тоже натянули на лица маску серьезности. Ей оставалось лишь удивляться, как это у них получается так одновременно менять выражение лиц.

– Мы согласны, – сказал старший.

Младший кивнул.

– Вы составляли договор?

Фэйри снова переглянулись, а потом посмотрели на нее в недоумении.

Тара вздохнула и откинулась на спинку стула.

– Любая сделка в Хортланде закрепляется договором на бумаге. Это защита и для вас, и для меня.

Фэйри снова переглянулись, теперь их лица выражали неподдельное удивление. Младший нахмурился.

– Зачем? Разве слов не достаточно?

Тара чуть прищурилась. "Ну точно из Альвхайденгарда," – подумала она.– Нет, в Хортланде слов мало. Тут верят только тому, что написано и скреплено подписями.

– Странно… – пробормотал младший, но спорить не стал.

Тара отошла к стойке и вернулась уже со всеми необходимыми писчими принадлежностями. Текст подобных договоров был одинаков для всех. И хорошо, что она прекрасно умела и писать, и читать. Иначе пришлось бы привлекать к этому делу писаря.

"Сим удостоверяется, что Тара обязуется провести…"

– Как вас зовут? – спросила она оторвавшись от бумаги.

– Лайрин'айт и Дарвайн'эл из Двора Лета, – быстро проговорил младший.

– Вы братья? – решила зачем-то уточнить она, а после их ответа порадовалась, что уточнила это в самом начале знакомства.

– Сестра, – поправил, или вернее, поправила ее та, которую она считала младшим братом, – мы брат и сестра.

Тара коротко кивнула, не подав виду, что эта ошибка ее саму немного смутила. Кажется, чистота эмоций от фэйри передавалась и ей.

“Сим удостоверяется, что Тара обязуется провести Лайрин'айт и Дарвайн'эла из Двора Лета, до Лексхэйвена, без задержек, защищая от угроз, дабы не подвергать их излишним опасностям. За сии услугам они обязуются уплатить три серебряных талера за каждый день пути, равно как покрыть издержки на ночлег, еду и корм для лошадей.

Права и обязанности сторон взаимны: сие соглашение не расторгается без обоюдного согласия."

Она достала жетон наемника, обмакнула его в чернила и прижала к бумаге, развернула лист с договором к фэйри, указала на перо.

– Если у вас есть именные печати, нужно их поставить. Или распишитесь…

Фэйри удивленно уставились на документ, по очереди прочитали то, что в нем написано, стараясь выглядеть не столько изумленными, сколько серьезными.

– У людей все так… странно, – пробормотала Лайрин'айт, выписывая свое имя ниже отпечатка жетона Тары, – прости, тебя зовут Тара?

– Моя оплошность, – признала наемница, – да. Это мое имя.

– Просто Тара? – уточнил Дарвайн'эл.

Тара пожала плечами. Она не аристократка. Не происходит из какого-то старинного купеческого рода. Ей даже прозвища никакого не дали. Зато есть имя. Короткое и запоминающееся.

– Да, – ответила она.

Договор был заключен и подписан, а трактирщик поставил на двух его листах метку гильдии. Фэйри на все это смотрели с любопытством, как дети, которым показали, как из воды и сахара делают петушков на палочках. Тара же исподволь разглядывала обоих.

Как же она не заметила, что Лайрин'айт – девушка? Обычно интуиция и внимательность ее не подводила. А тут сбила с толку детскость их поведения, наивность и любопытство обоих.

Трактирщик тоже смотрел с любопытством и алчностью. И это как раз от внимания Тары не укрылось. Так что, когда он потребовал плату за то, что представляет тут гильдию, она не дала фэйри достать кошель, а расплатилась сама под их недоуменными взглядами, и вызвав разочарование трактирщика.

Расстались они, договорившись встретиться с утра на городской площади, как только часы на башне пробьют шесть. Предстояло еще понять, что у них за лошади, готовы ли они к путешествию и в случае чего исправить положение, прикупив недостающее на городском рынке.

Лекснхарп – довольно тихий город, несмотря на свое положение. Путников здесь не грабят на каждом углу. Но облапошить могут, тем более таких, как эти двое. А Таре очень не хотелось, чтобы их совместное путешествие начиналось вот так. Потому она на всякий случай поинтересовалась, где они остановились. И, как и следовало ожидать, это оказался практически самый дорогой и богатый постоялый двор города. Что же, там хотя бы следят за репутацией. Лучшего Тара ничего предложить не могла.

Фэйри ушли из трактира первыми, довольные заключенной сделкой и отдавшие Таре четыре талера серебром. Один в счет потраченного в трактире и три в качестве задатка.

Она же некоторое время еще сидела, заказав ужин, хоть кухня именно этого заведения и была так себе. Все равно надо было подумать. Она склонна была верить в то, что эти двое ее не обманывали, как и не было недоговоренностей с их стороны. Но интуиция, которая редко ее подводила, подсказывала, что не все так гладко будет с этим делом. Интуиция, да еще странное чувство, будто она уже беспокоится о судьбе своих нанимателей чуть больше, чем следует.

Ужин был съеден и оплачен. А в размышлениях она пришла к мысли, что время покажет, стоило ли прислушаться к интуиции, и стоили ли Лайрин'айт и Дарвайн'эл ее беспокойства.

Тара вышла в опускающиеся на город сумерки. Несколько трактиров выстроились вдоль улицы, и из их окон лился теплый свет, а откуда-то доносился шум веселых голосов и звон кружек. Факелы у дверей бросали колеблющиеся отблески на стены домов. Воздух был сырой, пахло пивом, дымом и влажным камнем.

У стены соседнего здания Тара заметила фигуру, почти сливающуюся с тенью. Взгляд на мгновение задержался на ней. Широкий плащ скрывал очертания тела, капюшон низко сползал на лоб, делая лицо неразличимым в сгущающихся сумерках. Незнакомец словно был частью этой улицы – неподвижный и неприметный.

Она отвернулась и собралась идти своей дорогой, когда этот из тени ее окликнул:

– Эй, наемница.

Тара замерла. Нет, опасности она не почувствовала. Да и двигался он без угрозы, еще и яблоко при этом грыз.

Отвечать же она не торопилась. Дождалась, пока незнакомец подойдет ближе, рассмотрела в нем еще одного фэйри, узнала того, с которым столкнулась в дверях трактира несколькими часами ранее.

"Что-то как-то много фэйри на сегодня", – подумалось ей.

Однако этот на ее нанимателей похож не был. Потрепанный плащ, как раз более подходящий для местной обстановки и путешествий по Хортланду. Остальную одежду было не разглядеть. Да еще странность: она никак не могла сосредоточиться на его лице. А это ей не понравилось.

Тара сделала шаг назад, не давая незнакомцу подойти совсем близко.

Тот тоже остановился.

– Ты нанялась в проводники к двоим фэйри сегодня?

– Ты знаешь о том, чем я зарабатываю на жизнь. Полагаю, ты знаешь и о правилах гильдии, – сухо ответила она.

– Они показали мне договор, – парировал он, – если ты и есть Тара, значит заключила его с ними ты.

Тара промолчала, ожидая, что он скажет еще. И, кажется, это ее молчание собеседника слегка смутило. Он кашлянул, потеряв немного самоуверенности, и сказал:

– Откажись.

– Это еще почему? – не удержалась она от вопроса.

Он пожал плечами. Вернее, это она так расценила это его движение. Под плащом было особо непонятно, что он сделал.

– Зачем тебе это, наемница? – спросил он в ответ. – Возиться с двумя недорослями-фэйри, которым вздумалось посмотреть на праздник. Зачем тебе это?

– Зачем тебе отговаривать меня? – задала она встречный вопрос.

– Хочу уберечь от неприятностей всех вас троих, наемница, – он снова пожал плечами.

– Даже если бы мне хотелось, я не могу просто так без оснований отказаться сейчас, когда внесен задаток, и договор заверен в гильдии. Придумай более веский аргумент, фэйри, – очень уж ее раздражало то, что он называл ее наемницей, хоть в этом не было оскорбления.

Фэйри качнул головой.

– Ты не понимаешь, во что ввязываешься, – сказал он, – эти двое... Все не так просто, и я вряд ли смогу это объяснить… человеку.

Тара скрестила руки на груди.

– Мне часто приходится слышать нечто подобное. Может, ты перейдешь к делу и скажешь, что с ними не так?

Незнакомец, кажется, нахмурился. Но лица она так и не могла рассмотреть. Так что ручаться за то, что разглядела или ей показалось, она не могла.

– Это сложно объяснить, – повторил он, – человек не поймет.

– Очень удобно, – фыркнула Тара. – Значит, никаких конкретных оснований, кроме твоих загадочных намеков? Тогда извини, я не могу нарушить сделку.

Она развернулась, сделав шаг к дороге, но фэйри окликнул ее:

– Когда начнутся проблемы, вспомнишь этот разговор.

Тара ответила, не оборачиваясь:

– Сначала пусть начнутся, – и зашагала прочь.

Страха она не чувствовала, только легкое раздражение. Да еще подумала, что надо все-таки будет расспросить своих нанимателей об этом фэйри, что так настойчиво пытался ее отговорить от путешествия с ними.

Тара. Глава 2, в которой двое фэйри впервые сталкиваются с несправедливыми обвинениями

Обоз из шести повозок, груженных самым разнообразным товаром, покинул город, лишь только городские часы Лекснхарпа пробили восемь раз.

Охрана, нанятая дополнительно в городе, так что купца сопровождало аж двенадцать человек, теперь чрезмерной не казалась. Товар был, действительно, богатый. Помимо узмирского вина, меда, рыбы и кожи, были ящики из незнакомого людям дерева почти черного, явно родом из Альвхайденгарда. Из этого дерева вырезали фигурки, делали шкатулки, а очень богатые люди даже заказывали мебель. Так что даже ящики эти представляли ценность. Цена на ткани, фарфор и посуду, которые в таких ящиках перевозили, часто была баснословной. В этот раз, правда, купцу повезло скорее с самими ящиками, а не с их содержимым. Ткани в основном были льняные, конечно, ценные искусной вышивкой, но не чета шелку, выкрашенному в разные цвета, которые не умели создавать ремесленники-люди. Но их было всего пара ящиков. Остальное было заполнено всякой мелочью, всего понемногу.

В сам Луи'занэр купец не ездил. Далеко, да и непонятно, что туда везти. Фэйри часто меняли свои предпочтения в человеческих товарах без какой-либо системы и причин.

Теперь главное это все довезти до Истхина, города, как бы открывающего пути во внутренние земли Хортланда. На юго-западе от него лежало герцогство Эрития, славящееся своим порядком. Герцог Виладий правил жестко, справедливо и не терпел на своих землях разбоя. На юго-востоке – центральная часть королевства, столица и прилегающие к ней провинции, тоже относительно спокойные. Пополам страну делил Грозовой Хребет, сходящий на нет на юге, ближе к Внутреннему морю.

Но так далеко на юг купцы из северного приграничья товары не возили. Распродавали по дороге, а особо ценное везли в Эритию или Лексхэйвен.

Обоз двигался по тракту под скрип колес и фырканье лошадей. Возницы, натягивая вожжи, переговаривались между собой, помощники купца бегали от одной повозки к другой, проверяя каждую, стараясь выслужиться, ведь им была обещана щедрая плата, если все товары доедут в целости.

Среди них был худой парень неопределенного возраста, с узким лицом и нескладной фигурой, редкие волосы, завязанные в куцый хвост, напоминали то ли мышиную шерсть, то ли мох. Он все дергал возниц, мол, правь ровнее, испортишь товар, будешь отвечать, пытался неуклюже шутить с наемниками и зыркал на фэйри в старом плаще, устроившегося рядом с возницей на одной из повозок с шерстью и кожей из Узмира.

В конце концов, даже сам купец выглянул из идущей впереди крытой кибитки, и прикрикнул на него:

– Сальт, кончай вопить. Мы еще двух лиг не проехали, а от тебя уже в ушах звенит.

– Прощения прошу, господин Вайшег, – залебезил тот, – но коли не присматривать за товаром, попортят же или растеряют. Или фэйри… растощуть.

Он снова бросил взгляд на черноволосого фэйри, не обращавшего на чересчур рьяного купеческого помощника ни малейшего внимания. Фэйри делал вид или и в самом деле был занят разговором с возницей на вполне дружелюбной ноте.

Такое пренебрежение Сальту оказалось явно не по нраву, и тогда он кивнул в конец колонны, на троих прибившихся к обозам путешественников, из которых двое были фэйри в ярких зеленых богатых одеждах, и молодая женщина из наемников.

Но те были слишком уж далеко, чтобы понять, о чем шла речь.

– Так молча следи! – недовольно буркнул купец и добавил, прячась обратно: – шуму от тебя больше…

Сальт, поняв, что недовольство начальства может в будущем сказаться на оплате его труда, притих, но все так же продолжил носиться от одной повозки к другой, поправляя тюки с товаром и проверяя веревки, которыми те были зафиксированы.

Тара расслышала лишь упоминание фэйри, да поймала недружелюбный взгляд служки. Люди по-разному относились к ее нанимателям. Кто-то с раздражением, хотя особых причин для этого не было, кто-то определенно искал легкой наживы, некоторые с праздным любопытством, конечно, были и те, кому фэйри были совершенно безразличны.

В Хортланде бытовало мнение, что фэйри легко обвести вокруг пальца, особенно в том, что касалось денег. И подтверждение ему Тара уже успела получить.

Однако кое-чем Лайрин'айт и Дарвайн'эл ее слегка удивили. К путешествию они оказались вполне готовы: лошади фэйрийской породы, гнедые с серыми гривами, заплетенными в косы, были ухожены и послушны. А в седельных сумках оказалось все необходимое для дальней дороги. Даже припасы, самые простые, чтобы легко было перекусить прямо в седле, у них имелись. А большего во вполне обжитой части Хортланда было и не нужно. Вдоль тракта хватало деревень и постоялых дворов.

Она бы, может быть, посоветовала им сменить одежду на менее броскую. Вот только не посчитала себя в праве говорить подобное нанимателям. Тем более с их статусом она никак не могла определиться.

Одежда, седла и вся экипировка были не из простых. Такое под стать носить и иметь при себе довольно богатым аристократам. Но вели себя брат и сестра совершенно по-простому, с какой-то задорной детскостью.

– Почему надо обязательно ехать с обозом? – недовольно проговорила Лайрин'айт. Ее немного утомляла медлительность движения. А, кроме того, кажется, она расслышала разговор купца со служкой лучше Тары. И он ей явно не понравился.

– Так безопаснее, – пояснила Тара, – на дорогах бывает неспокойно, особенно на ничейных.

– Ничейных? – непонимающе переспросил Дарвайн'эл.

– От границы с Альвхайденгардом до Грозового Хребта – земли мелких баронств. На своей земле они следят за тем, чтобы путникам не мешали разбойничьи шайки. Но не везде, пересекая границу одного баронства, попадаешь в другое. И вот в таких местах всякое бывает. А до Истхина всего одно баронство.

Фэйри притихли, обдумывая сказанное. И как показалось Таре, они не очень-то приняли к сведению, а, может, не до конца поняли. Но с чем это было связано, уже не понимала она сама.

Всякий сброд и разбойники искали, где приткнуться и оседали в больших городах, где не шибко сильна власть, или искали места, куда пока дотянется рука правосудия, их уже и след простынет. Провинция от Истхина до границы, именно такая. Баронства разбросаны по ее территории, а расстояние между замками на севере Хортланда было приличным. И если что случалось на ничейной земле, то жаловаться жертве было некому. Вернее, безусловно, вся земля Хортланда принадлежит его королеве, но если наделом не владеет с ее позволения кто-либо, обязанный заботиться о его процветании и порядке в ее пределах, то такие места считали ничейными. Бывало, если бандитов становилось чересчур много, бароны собирались и устраивали им травлю. Но случалось это крайне редко.

Так что успеть договориться с купцом, чей обоз еще не покинул Лекснхарп, Тара считала большой удачей.

Поутру она нашла его повозки на городской площади, готовые к отбытию, а самого его в храме Творца за молитвой о хорошей дороге.

Сама она, если во что-то и верила, то только в саму себя. В детстве, в родительском доме на полке над очагом стояли мастерски вырезанные фигурки Пятерых. Отец с Сыном и Матерь с Дщерью, а над ними птица Свиточа, двуликая и двуединая, она же жизнь, она же и смерть. У фигурок этим зажигали свечи по вечерам, а на праздники наряжали их и украшали.

Только ни Пятеро, ни Творец, как Тара их не умоляла, не помогли ей сохранить ту, спокойную и счастливую жизнь. То ли не услышали слишком тонкий и тихий голосок тринадцатилетней девчушки, то ли не захотели услышать, заняты были в другом месте…

Потому Тара осталась при входе в храм, дожидаясь, пока купец закончит молиться, а уже встретив его выходящего, обратилась, чтобы договориться.

Купца звали господином Вайшегом. И он легко согласился. Еще один боец, пусть и девица, не казался ему лишним. Тем более, что платить ему не надо. А то, что с ней двое фэйри…

– Фэйри и фэйри, – пожал он плечами, – пусть будут еще двое. Один вон уже есть. Напросился ехать в обозе, лошади у него своей нет. Обещал подлечить бесплатно, ежели что в дороге приключится. Твои-то явно не из простых. Воно как одеты. Да и пускай…

И вот уже действительно разглядев в обозе фэйри, Тара почти не удивилась, узнав того, который пытался ее уговорить не связываться с ее нанимателями. Хоть в сумерках он прятал лицо, да так, что она не рассмотрела даже цвета волос и хотя бы примерно черты лица, она узнала его и по манере двигаться, и по одежде, тому же самому плащу неопределенного цвета, заштопанному у плеча. Про себя усмехнулась, но виду не подала.

Правда, стоило им присоединиться к обозу уже втроем, Лайрин'айт и Дарвайн'эл узнали его сами, с каким-то ребячеством выдав ему сразу:

– Мы нашли проводника, как видишь. И он не отказался от нас!

Фэйри, одновременно похожий на этих двоих и совершенная им противоположность, усмехнулся, бросил оценивающий взгляд на Тару и ответил:

– Вам-то явно повезло. Чего не скажешь о вашем проводнике.

Походил он на них тем же, чем все фэйри похожи между собой: острые кончики ушей выглядывали из-под черных, слегка вьющихся волос, а глаза из-за необычайно яркого синего цвета совсем не походили на человеческие. Он был довольно высок, на пару пальцев выше Тары, и худ, как и все фэйри. Действительно, растолстевших фэйри никто никогда не видел. Только если Лайрин'айт и Дарвайн'эла можно было назвать скорее изящными, то этот же был именно худощавый. А в лице, тоже худом и скуластом, было что-то отталкивающее. То ли это презрительное выражение было адресовано исключительно нанимателям Тары, то ли оно было частью его натуры.

Тара решила, что момент как раз подходящий. Они пустили лошадей быстрым шагом и двигались в хвосте колонны, а он ехал далеко впереди.

– Этот фэйри, – она кивком указала вперед, – вы знакомы?

Лайрин'айт фыркнула, как мелкая кошка, которую обрызгали водой. Дайрван'эл хмыкнул и ответил:

– Впервые его тут встретили.

– Понятия не имеем, кто он такой, – подхватила его сестра, – прицепился к нам в таверне, мол, вам тут нечего делать, валите-ка обратно в Альвхайденгард, никто вас тут никуда не поведет…

– Даже спор предлагал. Мол, посидите тут деньков пять, а как надоест, отправлю вас домой своими же руками.

– Странный, одним словом!

– Да!

Была у них забавная манера говорить об одном и том же по очереди, дополняя друг друга, при этом совершенно одинаковым тоном.

– Да и вообще. Он же из Двора Ночи, – закончила Лайрин'айт.

– И что он сам тут забыл? – пожал плечами ее брат.

Таре оставалось лишь покачать головой.

То, что фэйри называли Дворами, было ей незнакомо. Это касалось Альвхайденгарда. А про него в Хортланде, несмотря на непосредственную близость, знали крайне мало. Особенно простые люди. Те фэйри, что переселялись в королевство, обещались забыть старые обычаи, говорить лишь на хортландском языке и чтить закон и веру людей. Обывателей не особо интересовала их прежняя жизнь. А те и не распространялись о ней.

Обоз и впрямь тащился медленно. Это стало особенно заметно, когда к концу первого дня пути они не добрались до Тирлина – города на территории одноименного баронства, где можно было бы остановиться на постоялом дворе. Но сумерки настигли их в полях, благо уже в пределах этого самого баронства. Они даже повстречали два разъезда по пять человек, что говорило о внимательном отношении самого барона к порядку на территории, которой он владел.

Однако на ночлег пришлось останавливаться в полях. Благо отыскалось место, где обычно ночуют крестьяне во время уборки урожая: вытоптанная поляна в стороне от дороги со сложенным кострищем, достаточно большая, чтобы на ней поместились все шесть повозок, и оставалось место для людей.

– Можно было бы самим уже доехать до города, – заметил Дарвайн'эл, – переночевали бы на… эээ… постоялом дворе.

– Ворота города закрывают на ночь, – ответила ему Тара, – после захода солнца в город никого не пускают. И я бы не советовала пробираться тайком.

– Да, точно, – поддержала ее Лайрин'айт, и сказала брату: – нас предупреждали в Луи'занэре, помнишь?

Тот скривился и пожал плечами. А Тара позволила себе задать вопрос. Уж очень ее удивляла их реакция на простые вещи:

– В Альвхайденгарде разве не так?

Фэйри на мгновение задумались, а потом Лайрин'айт, помотав головой, сказала:

– В Кэл'эстрию можно зайти и выйти из нее в любое время… Там запирать нечего. Ммм… нет стен и ворот.

– В Луи'занэре запирают на ночь южные ворота, – вдруг вспомнил ее брат, – но южная часть – это людская половина.

– В Кэл'эстрии нет крепостных стен? – переспросила Тара. Вид города, не окруженного стенами повыше и, желательно, рвом пошире и поглубже, не укладывался у нее в голове.

– Нет, – пожала плечами Лайрин'айт, – это же неудобно.

Фэйри больше ничего не добавила, а Тара не стала расспрашивать дальше, правда, оставшись в некотором замешательстве. Города фэйри не защищены?

Хотя… Она вспомнила некоторые слухи и россказни, что ходили о появлении этого народа в северных землях. О неудавшейся войне с ними и попытке напасть на острова, где они обосновались, с моря. И подумала, что у фэйри, видимо, есть способы защититься, не выстраивая высоких стен и не копая перед ними рвов.

Они наскоро поужинали. Еда была самая простая: немного вяленого мяса, сушеные овощи, хлеб. У фэйри во флягах оказалась вода. От вина они отказались напрочь, хоть у Тары оно и было совсем легким. А Дайрвайн'эл даже прокомментировал:

– Это же испорченный сок. Как такой вообще можно пить?

Пришла очередь Тары пожимать плечами. Родниковую воду еще можно было пить безбоязненно. Но вот ту, что набирали в реках и озерах, на берегах которых ютились деревушки и поселения, она бы пить не стала. Всем было известно, что от нее можно заболеть, да еще

и всегда была вероятность подцепить жёлчный мор. А там недалеко до эпидемии. Оставалось надеяться, что вода у фэйри, действительно, чистая. Или что все это им не грозит.

На ночь купец устроился в своей крытой кибитке, застегнув полог потуже, чтобы избежать ночной сырости и не впустить надоедливых насекомых. Его помощники расстелили свои плащи прямо у колес, привалившись к деревянным бортам. Возницы устроились у своих повозок. Распряженные и стреноженные лошади неспешно щипали траву, иногда фыркая от удовольствия.

Наемники разделились на группы: двое развели костер в центре поляны, используя готовое кострище, остальные разошлись, осматривая окрестности перед началом дежурства.

Тара и фэйри заняли место у небольшого раскидистого деревца. Ни шатра, ни палатки у них не было. И хоть ночь предстояла, судя по всему ясная, от ветра, гулявшего в поле, это было лучшее укрытие. Фэйри дружно засопели, стоило им улечься на устроенную из сухой травы и листьев лежанку, завернувшись в плащи.

Тара, понимая, что вряд ли им грозит какая-то опасность, к тому же наемники купца действовали очень профессионально, оставив двоих часовых и поделив время ночного дежурства, все же по привычке еще какое-то время бодрствовала. Сказать по правде, ей нравилось любоваться в тишине ночным полем, смотреть, как поднимается над ним луна, как ветер гуляет среди колосьев, налетая на них волнами, замирая и вновь клоня их к земле.

Лагерь погрузился в тишину, нарушаемую лишь потрескиванием дров и тихими разговорами тех, кто оставался на карауле.

Её взгляд случайно зацепил фигуру, отделившуюся от лагеря. В дрожащем свете костра она сразу узнала черноволосого фэйри. Впрочем, он и не пытался скрыться от кого-то. Дойдя до края поляны, фэйри остановился, огляделся, а затем направился дальше в поле.

Тара молча наблюдала, как он, дойдя до небольшого холма, разложил свой плащ, присел, осмотрел ночное небо, словно выискивая что-то среди звёзд, а затем улегся, закинув руки за голову.

Тоже решил полюбоваться ночным небом подальше от света костра?

Над ним закружило несколько белых светящихся огоньков, очень похожих на звезды. Они поднимались к черному небу по спирали, делая каждый круг все шире и шире, пока не сливались со звездами в ночном небе. Странное, завораживающее зрелище.

Она не тронулась с места и не шевелилась, даже, кажется, затаила дыхание. Никто больше, кроме нее, не обратил внимания на то, что фэйри ушел в поле. Никто не смотрел на то, что он сотворил эти пляшущие звездочки.

А Тара впервые в своей жизни увидела магию…

***

– Что за отраву ты им суешь! Эй! Все сюда! – голос Сальта прозвучал особенно неприятно в утренней тишине, – А я говорил, что фэйри нельзя доверять! Говорил! Посмотрите-ка на него! Отравить наших лошадей удумал!

– Отпусти! – Дарвайн'эл вывернулся из хватки служки, оттолкнул его и поднял руку, демонстрируя большой кусок оранжевого овоща. – Это всего лишь морковь! Никакая не отрава!

– Да ты что угодно мог в нее подсыпать! Скажешь, нет?! – голос Сальта сорвался на визг.

– Нет! – резко выкрикнул Дарвайн'эл, – Что за глупости!

Крики привлекли внимание тех, кто уже не спал, и разбудили остальных. Первыми подошли четверо наемников, за ними возницы. Тара оставила сонную Лайрин'айт, сказав, что пойдет узнать, в чем дело. Фэйри лишь кивнула, кажется, даже не до конца понимая, что ее разбудило.

Купец подошел последним, зевая и почесывая шею. Видно, даже плотно задернутый полог его повозки от комаров не спасал.

– Подкрался к лошадям! – продолжал верещать Сальт, – Пока все спят! Думал, не заметит никто?!

Дарвайн'эл выглядел скорее растерянным и даже немного потрясенным подобными обвинениями. А лошадка, которой, видимо, как раз и не досталось лакомства, пыталась до него добраться, похрапывая и недобро поглядывая на купеческого служку.

– Что происходит? – подходя, спросила Тара.

– Этот фэйри пытался отравить лошадей! – выкрикнул Сальт, указывая на Дарвайн'эла.

– Это ложь, – снова возмутился тот, – это просто морковь! Да посмотрите сами! Да и как бы я…

Тара взяла из рук фэйри кусок моркови. Повертела и так и эдак, протянула Сальту:

– Убедись. Это просто еда.

– Поверю, – прошипел служка, – если сама откусишь! Не побоишься?

Тара нахмурилась. Взглянула на фэйри. Дарвайн'эл был не просто растерян, в его глазах было что-то такое, будто он вот-вот расплачется, как ребенок. Может то, что вообще глаза фэйри были больше, чем у людей, придавало их лицам какой-то детскости и наивности. Но она ему поверила. Не видела она в этих двоих своих нанимателях ни капли какой-то фальши.

– Не побоюсь, – спокойно произнесла она, откусив от моркови.

Ничего особенного она не ощутила. Морковь как морковь, хрустящая, сладковатая.

– Ладно, хватит. Сальт, хватит шуметь по пустякам! – тут же рявкнул купец, и обратился к остальным служкам и возницам: – Гляньте там, с лошадьми все в порядке?

– Всё в порядке, господин Вайшег, – раздалось со стороны.

Купец, явно раздражённый, повернулся к Сальту.

– Займись уже делом, в конце-то концов! – и потом чуть тише, но Тара все равно расслышала: – Не будь ты мне племянником, в Тирлине бы и остался! Без жалованья! Не мути воду!

Сальт притих, проводил купца испуганным взглядом. А когда тот снова скрылся за пологом своей повозки, он бросил на Дарвайн'эла и подошедшую к нему Лайрин'айт, взгляд, полный какой-то тупой злобы. От Тары это не укрылось, но она даже не представляла, что могло заставить его испытывать такие чувства к совершенно незнакомым пусть даже фэйри.

Он встретился с ней взглядом, скривил губы в презрительной усмешке и процедил:

– Ты еще поймешь, с кем связалась, девка. Да будет поздно.

Сальт взял все еще ожидающую своего угощения лошадку под уздцы и потянул за собой:

– Но! Пошла!

Но животное наклонило голову и уперлось всеми четырьмя копытами, не желая двигаться с места. Сальт потянул сильнее, и тогда лошадь резко дернулась и цапнула его за плечо. Служка отпустил ее, схватившись за место укуса и зло закричал:

– Вот тварь!

Тара удовлетворенно хмыкнула, посчитав, что Сальт получил по заслугам. А рядом раздались плохо сдерживаемые смешки. Фэйри хихикали, глядя на то, как служка борется с непослушной животиной. Дарвайн'эл едва заметно шевелил пальцами опущенной правой руки, словно перебирал ей невидимые нити. Лайрин'айт что-то ему вполголоса то ли подсказывала, то ли подзуживала.

Вдруг фэйри дернул рукой, вскрикнул и схватился за пальцы, как будто кто-то невидимый ударил его по руке. Дарвайн обиженно посмотрел куда-то Таре за спину.

Она обернулась, пытаясь разгадать смысл всей этой пантомимы. Но увидела лишь хмурого и, похоже, невыспавшегося черноволосого фэйри в потрепанной одежде. Тот встретился с ней взглядом и, не говоря ни слова, развернулся и зашагал прочь.

– Может, в городе найдем какой-нибудь другой обоз? – предложила Лайрин'айт, когда они остались втроем.

Таре возразить было нечего.

***

К славному городу Тирлину подошли, когда солнце было уже высоко и начинало припекать. Стоял конец весны, еще не совсем лето, но уже давно миновали холодные дожди и настоящая непогода, отцвели фруктовые деревья, а кое-где уже появлялись первые ранние ягоды. Однако жара днем стояла уже по-настоящему летняя, такая, от какой хотелось спрятаться в тень или нырнуть в прохладную речную воду.

Правда, фэйри, если и страдали от нее, то виду не показывали. Тара, хоть и носила в таких путешествиях куртку из дубленой кожи, служившую и верхней одеждой, и защитой, но была привычна к таким условиях.

А вот купцу было явно некомфортно. В кибитке было душно, а снаружи припекало. Он то высовывался, то забирался обратно, вздыхал и ругался под нос, что в следующий раз, отправит за товаром зятя, пусть поработает во благо семейного предприятия.

Лишь неугомонный Сальт бегал туда-сюда из начала обоза в его конец, да о чем-то вполголоса толковал с другим служкой и парой возниц.

Донимала его больше даже не сама жара, а столпившаяся у городских ворот очередь на въезд. Впереди было несколько путников, кто на лошадях, кто пешком, крестьяне с груженными телегами и два таких же обоза.

Городская стража не особенно торопилась всех пропускать. Оценивала проходящих, назначала плату за проход и проезд в город. Народ побогаче, утомленный жарой и ожиданием, платил и проходил, люди попроще отчаянно торговались.

– Эх, зарядят нам цену, – вздыхал купец.

Да делать было нечего. Рассчитывая остановиться на ночлег в Тирлине, в обозе не было особых запасов провианта и питьевой воды, вина или пива. Все это планировалось пополнить здесь, где цены на все были пониже, чем в Лекснхарпе.

Очередь у городских ворот двигалась медленно. Народ томился в ожидании, изнывая от жары. Тара стояла рядом с фэйри, прикрыв глаза от яркого солнца. Лайрин'айт лениво поглаживала свою лошадь, а Дарвайн'эл, казалось, просто старался быть незаметным.

Но спокойствие продлилось недолго.

– Кошель пропал! – раздался вдруг возмущённый крик Сальта. – У меня его стащили! Шестнадцать талеров золотом, честно заработанных, пропали!

Толпа вокруг оживилась. Возница, стоявший чуть впереди, обернулся, подперев бок рукой.

– Да ты чего голосишь? Может, сам куда сунул?

– Да никуда я не сунул! Он в вещах был, в моей сумке! А теперь его нет! – Сальт хватал себя за голову. – Кто-то из наших! Кто-то из тех, кто шёл с обозом!

– Сальт, а может, ты вообще его забыл дома? – вмешался купец, высовываясь из своей кибитки и глядя на служку с раздражением. – Искал толком?

– Искал! Всё обыскал! – вскричал Сальт. – Уж я-то знаю, что кошель со мной был!

– Ну, значит, ты его где-то обронил, – отмахнулся купец. – Или сам поди и проел, как обычно. Сальт, прекрати позориться!

Но служка уже распалился, и отмахнуться от его воплей было непросто. Тем более, что один из возниц вдруг подал голос.

– А я видел, – протянул он. – Фэйри крутился возле вещей Сальта, как раз там, где его сумка была.

Слова возницы вызвали новый взрыв негодования.

– Я же говорил! – Сальт указал пальцем на Дарвайн'эла. – Вот! Вот он, ворюга!

Тара ощутила, как Лайрин едва заметно напряглась рядом. Дарвайн широко раскрыл глаза, уставившись на возницу.

– Это неправда! – возмутился он. – Опять вранье!

Сальт метнулся к фэйри, сжав кулаки:

– Врёшь! Признавайся, куда спрятал?

Тара шагнула вперёд, загораживая фэйри:

– Хватит! Можешь представить какие-то доказательства?

– Доказательства? – Сальт обернулся к вознице. – Да тут все видели, что он крутился около моих вещей. Этот фэйри и есть вор! Все знают, им нельзя доверять!

– Если на то пошло, кошель твой мог утащить кто угодно, – пробурчал возница, весь путь рядом с которым сидел черноволосый фэйри.

Последний смотрел на происходящее со смесью досады и раздражения, но не вмешивался, лишь с некоторой тревогой посматривал на дорогу.

Тара невольно повернулась туда же.

Баронский разъезд. К столпившимся у ворот людям приближались пятеро всадников. И она поняла, на что рассчитывал Сальт, устроив скандал здесь и сейчас.

Между тем все, кто был в обозе, разделились. Одни считали, что Дарвайн, действительно, крутился у вещей Сальта, и надо бы проверить, а не он ли украл кошель. Другие, что на служку напала очередная блажь. Купец махнул рукой, вытирая пот с раскрасневшегося лица, мол, разбирайтесь сами.

А к спорящим уже присоединялись другие люди, заскучавшие в очереди к воротам. И среди них уже поползли какие-то слухи, в мгновение ока обрастающие подробностями.

– Что тут за шум?! – зычно прокричал главный из баронских всадников. Разъезд остановился рядом с толпой.

Сальт сразу же бросился к говорившему, его голос дрожал от негодования:

– Господин констебль, помогите! Этот фэйри стащил у меня кошель! Там было шестнадцать золотых талеров!

Констебль сощурился, устремив взгляд на Дарвайна, стоящего рядом с Тарой и Лайрин. За его спиной трое из обоза, включая возницу, кивали с готовностью.

– Так и было, мы можем подтвердить. Это точно он, – подтвердил возница.

– Да, и еще этот! – Сальт указал на черноволосого фэйри, оказавшегося каким-то образом рядом с Тарой и ее нанимателями. – Они все заодно!

– Подождите, – резко вмешалась Тара, шагнув вперед. – Только что вы утверждали, что просто видели его у вещей. А теперь вдруг стали уверены, что он вор? Это не доказательства, а домыслы!

Констебль смерил её тяжелым взглядом, а затем перевел его на Дарвайн'эла.

– И этого достаточно, если дело касается фэйри, – хмыкнул он. – Всем известно, что их колдовство может обмануть кого угодно.

Дарвайн'эл, который до этого молчал, покачал головой, стиснув кулаки.

– Это клевета! Я не трогал его вещей!

– Кто же тебе поверит, остроухий? – усмехнулся констебль, и люди за его спиной захохотали.

– Клевета – все ваши слова! – заговорила Лайрин с жаром, – Зачем бы нам воровать?! У нас и своих денег достаточно!

– Доказательства, – отрезал констебль. – Если он не виноват, пусть его вещи проверят.

– Если проверять, то пусть тогда смотрят всё, – возмутилась Тара. – У всех в обозе. Кто угодно мог взять кошель!

– Нет, хватит и вещей фэйри, – констебль махнул рукой.

Тара нахмурилась и не сдвинулась с места.

– Почему это я должен доказывать свою невиновность, когда нет причин меня обвинять? – спросил Дарвайн'эл.

Уверенности в его голосе поубавилось. Однако той растерянности, в которой фэйри пребывал утром, когда его едва не обвинили, что он травит лошадей, и уж тем более слез, не было.

– Ты знаешь, что нам всем троим придется вывернуть наши вещи перед этим хмырем, – услышала Тара тихий голос. С ней заговорил тот самый незнакомый фэйри.

Он был прав. В данной ситуации надо было просто доказать невиновность всех троих единственным доступным способом, продемонстрировать, что ни в вещах Дарвайна, ни у Лайрин, ни у незнакомца нет пресловутого кошеля.

Черноволосый фэйри молча притащил свой вещевой мешок с оторванной лямкой, развязал и демонстративно вывалил его содержимое к ногам констебля. Тот с презрением поковырялся носком сапога в нехитром скарбе фэйри, не найдя искомого, выжидающе посмотрел на Дарвайн'эл.

– Принеси свои вещи, Дарвайн'эл, – как можно спокойнее проговорила Тара, – Лайрин'айт, ты тоже.

– Да с чего это?! Сальт этот врет напропалую! От него на лигу воняет враньем.

– Дарвайн'эл! – прикрикнул на него внезапно черноволосый фэйри.

– Еще тебя я, что ли, буду слушаться? – фыркнул тот.

– Почему бы и нет? У самого-то мозгов не хватает, – процедил фэйри ему в ответ.

Дарвайн'эл скривился, но снял седельные сумки и начал выкладывать их содержимое перед констеблем.

– Быстрее давай! – взвизгнул Сальт, рванувшись вперед, выхватив из рук Дарвайн'эла его вещи. Он вытряхнул все на землю, швырнул саму сумку туда же так, что фэйри не успел ничего сделать.

А Тара заметила быстрое движение, которым Сальт что-то вытащил из-под туники и бросил в кучу вещей. Дернулся было, но, поняв, что опоздал, снова замер черноволосый фэйри.

– ААА! Я же говорил! – заголосил Сальт.

– Ты же сам только что... – Лайрин'айт задохнулась от негодования.

– Он же... Вы же видели! – Дарвайн'эл также выглядел возмущенным до глубины души, – Вы же сами все видели!

– Это мой кошель! В его вещах! Смотрите! – не унимался Сальт.

Люди вокруг загалдели. Кто-то говорил, что видел, как Сальт подкинул кошель. Кто-то уверял, что кошель выпал из фэйрийской сумки. Раздались крики:

– Вор! Фэйри – вор! Они все воры!

Тара выругалась про себя. Уж к чему она не была готова, так это к тому, что может оказаться в такой ситуации.

Между тем спешившиеся люди барона окружили Дарвайн'эла, тот беспомощно посмотрел на Тару, и не думая сопротивляться.

– Дар! – закричала Лайрин, – Не трогайте его.

Тара схватила ее, не дав побежать к брату.

Фэйри и не думали драться. Даже не попробовали. И оправдываться Дарвайн'эл тоже не стал. Лишь оглядывался растерянно на людей, окруживших его. Совсем не так ведут себя воры.

С фэйри как будто все было не так. Словно в том переулке, в Лекснхарпе, этот незнакомец не предупредил, а накликал на них беду.

Где он, кстати?

Тара оглядела толпу. Черноволосого фэйри нигде не было. Как и его вещей, которые он вывалил под ноги констеблю. Она не заметила, ни как он собирал свои вещи, ни куда ушел. Но это было сейчас и неважно.

– Дарвайн'эл! – крикнула она, стараясь перекрыть гомон толпы и одновременно удержать Лайрин'айт, испуганную и возмущенную. Неизвестно ещё, чего в ней было больше.

– Дарвайн'эл!

На второй раз он повернулся к ней, уже со связанными руками, второй конец веревки уже привязывали к седлу констебля.

– Ничего не говори и не предпринимай. Будет суд. Дождись суда.

Тара. Глава 3, в которой мы узнаем, сколько стоит жизнь фэйри

– Они же разберутся на суде? Дара ведь оправдают? Они там поймут, что все это вранье? – Лайрин’айт задавала эти вопросы уже раз пятый.

Тара успокаивала ее, как могла, но в соответствии с ее собственными убеждениями ложную надежду давать было нельзя, никому и никогда. А потому, по всей видимости, все ее заверения звучали неубедительно. Правда, даже если все пойдет по самому плохому сценарию, была одна лазейка, которой можно было воспользоваться. Мысль пришла Таре после обдумывания ситуации в течение того времени, как они с Лайрин’айт искали постоялый двор, а потом ратушу. Затем они узнавали, где и когда состоится судилище, будут ли на нем судить взятого под стражу сегодня у городских ворот фэйри, и какую пошлину надо заплатить, чтобы их на этот суд пустили.

Тара знала, что будет. Примерно представляла, какое наказание ожидает Дарвайн’эла от самого хорошего, если так можно сказать, варианта, до самого плохого. О помиловании или оправдании и речи не пойдет. Но об этом она, конечно, не сказала Лайрин’айт.

Надо было, чтобы за Дарвайн'эла заступился кто-то из уважаемых людей города. Что было совершенно невозможно. Есть голословное обвинение, есть те, кто подтвердят слова Сальта. Ее, Тары, слово против них ничего не значит. Она наемник, а Дарвайн'эл – ее наниматель. Так же, как и слова Лайрин'айт, его сестры.

Даже если черноволосый незнакомец вдруг решит вступиться, в чем Тара сильно сомневалась, это будет бесполезно. Он тут чужак, да еще фэйри. А, похоже, фэйри в славном городе Тирлине не жаловали.

– Лайрин'айт, я сделаю все, чтобы ему помочь.

Обещание вырвалось само собой. И нет, не то чтобы Тара не собиралась его исполнять. В тот момент, когда она задумалась о лазейке, возможности вытащить Дарвайн'эла из ситуации, в которую он попал, она уже понимала, что, действительно, сделает все, что сможет сделать.

Но также она понимала, что это будет больше, чем предполагают отношения нанимателей с наемником.

Обветшалый постоялый двор, на который пустили фэйри, находился у самых городских стен. Удивительно, что не за ними, подумалось Таре, когда она осматривала комнату, которую им предоставили, одну на двоих.

Здесь даже кроватей отдельных не было. Большая лежанка с соломенным тюфяком, поеденным крысами. А парочка серых проныр копошилась в углу комнаты, не обращая внимания на постояльцев.

Полы здесь не мыли отродясь, а окно и вовсе было просто заколочено. Видимо ставни давно отвалились, и хозяин решил простым способом избавиться от сквозняков.

Лайрин'айт немного успокоилась, услышав обещание Тары, и даже согласилась, что сейчас им надо поесть и передохнуть. Судилище начнется лишь на следующий день, в полдень. И это им еще повезло. Бывало, что брошенные в городскую тюрьму обвиняемые ждали разбирательств по нескольку недель.

Тара сходила к хозяину постоялого двора, раздобыла им с Лайрин'айт сыра и пареной репы. Удивительно, но фэйри были весьма неприхотливы в еде. И Тара все больше склонялась к мысли, что либо они не считаются аристократами в Альвхайденгарде, либо на самом деле получили очень своеобразное воспитание.

Молодые люди, даже почти подростки, какими выглядели брат и сестра, из высшего сословия, обычно вели себя заносчиво и дерзко. Фэйри же, конечно, на крестьян не тянули.

Но их непосредственность совсем не клеилась с их внешним видом, одеждой, лошадьми и другими их вещами.

А еще при них не было никакого оружия. И, наверное, это было самым странным.

Даже крестьяне, которым было запрещено носить мечи, выходили из положения кто как мог: вооружались длинными ножами и топорами, а иногда превращали в оружие косы. Но совсем без ничего ходили только в городах, да и то в спокойных кварталах.

На судилище они пришли рано. До полудня было еще далеко. Однако не прогадали. Во внутреннем дворе ратуши уже собирался народ. За вход пришлось заплатить и здесь, причем почти столько же, сколько Тара отдала за них с Лайрин'айт у городских ворот.

В первую очередь она поискала знакомые лица: купеческого служку, его подпевал, возможно, и самого купца Вайшега. Но время шло, а никто из них не появлялся.

Это Таре не понравилось. Она не знала, чем это может грозить Дарвайн'элу, но почему-то ей сразу показалось, что ничем хорошим отсутствие главных обвинителей не обернется.

Внутренний двор ратуши был вымощен крупным камнем, потрескавшимся и местами покрытым мхом. Массивная дубовая дверь, окованная железом, прямо напротив прохода во двор, была пока заперта. Перед ней возвышалось кресло с высокой резной спинкой, установленное на небольшом помосте. Слева от кресла стоял длинный стол, за которым уже расположились трое судейских писарей. А справа – еще два стула, места для судейских советников, пока пустующие.

– А это для чего? – очень тихо спросила Лайрин'айт, указав чуть левее помоста с креслом судьи, на массивную клетку с железными прутьями, покрытыми рыжими пятнами ржавчины.

– Место подсудимого, – так же тихо ответила ей Тара. И почему-то то, что было, в общем-то, привычным в Хортланде, вдруг показалось ей совершенно диким по отношению к этим двоим.

– Это… железо? – снова спросила фэйри, имея в виду проржавевшие прутья.

Оставалось только кивнуть.

Вокруг всего этого по периметру двора стояли стражники в одинаковых плащах с гербами баронства – два скрещенных меча на фоне дубового листа.

Во двор все прибывали и прибывали люди. Кто-то был заинтересован в каком-либо из дел, которые собирались сегодня рассмотреть. Кто-то пришел просто поглазеть. Несколько уважаемых горожан с сопровождающей их прислугой расположились в тени, на принесенных с собой раскладных креслах.

У стены, противоположной той, у которой стояли они с Лайрин'айт, Тара заметила уже знакомого им фэйри. Он тоже бросил на нее быстрый взгляд, отступил на шаг и слился с толпой. Так, что она не могла больше отыскать его.

Один из стражников выступил вперед, подняв руку, и громко объявил:

– Судья Винкар Дас идет!

Гул в толпе мгновенно стих, массивная дверь открылась с яростным скрипом, и появился невысокий мужчина лет пятидесяти. Он был плотного телосложения, с заметно округлым животом, выделявшимся под расшитой золотом черной мантией. На его пальцах поблескивали перстни, сверкнули в свете полуденного солнца сапфировые пуговицы его одеяния. Круглый головной убор был украшен тонкими серебряными цепочками, которые слегка позвякивали с каждым шагом.

Лицо судьи, выбритое до блеска, не выражало ничего, кроме скуки. Судья неспешно преодолел расстояние от двери до кресла, с тяжелым вздохом опустился на сидение, поморщился и тут же бросил ближайшему стражнику:

– Подушку!

Ему поспешно принесли подушку, и только после этого Винкар Дас, пожевав губами, объявил:

– Начинаем рассмотрение дел. Что там у нас первое?

Из обитой железом боковой двери стражники выволокли крестьянина, лет тридцати с обветренным, изможденным лицом. Он хромал так сильно, что левую ногу почти волочил, и каждый его шаг отдавался болезненной гримасой.

Как только за ним закрылась дверь клетки для подсудимых, судья взял бумагу, поданную писарем, и лениво зачитал:

– Третьего дня крестьянин Руперт Диль не вышел на работы на баронские поля. Что скажешь в свое оправдание?

Крестьянин вцепился в решетку клетки, стараясь устоять на ногах.

– Повредил ногу, господин судья, – проговорил он с трудом. – Ходить едва могу.

Винкар Дас прищурился, склонил голову набок и с явной скукой произнес:

– Но стоять-то можешь?

Крестьянин открыл рот, чтобы что-то сказать, но судья заговорил снова:

– Двадцать ударов палкой. Следующий, – отрезал он, откладывая бумагу.

Стражники открыли клетку и потащили подсудимого прочь. Толпа зашумела, но без явного сочувствия – здесь такое было привычным. Кто-то позади Тары порадовался, что вот, можно будет в выходной сходить на площадь, посмотреть на наказание.

Лайрин'айт наверняка тоже это услышала, а потом непроизвольно вцепилась в руку Тары, но промолчала.

Привели женщину средних лет с потухшим взглядом и растрепанными волосами в грязной разорванной одежде. Она даже не подняла взгляда на судью, собравшихся людей и стражу.

Судья бегло пробежал глазами бумагу, поданную писарем, и произнес:

– Жена сапожника Лизбет Харн обвиняется в оскорблении стражи.

Даже не взглянув в ее сторону, он зевнул и скучающим тоном выдал:

– Два дня в городской темнице.

Женщина вздрогнула, наконец подняла взгляд:

– Нет, прошу вас, нет, пожалуйста. Лучше пусть палками побьют. Я умоляю. У меня дети… я…

Она сгорбилась сильнее, сжимая порванное платье, чтобы не оголилась грудь, но стражники уже выволокли ее из клетки, не обращая внимания на мольбы.

Судья уже протягивал руку за следующей бумагой, совершенно не интересуясь судьбой осужденной.

– Почему она так не хочет в тюрьму? Всего же два дня… – пробормотала Лайрин'айт. Сзади кто-то хохотнул, то ли расслышав слова фэйри, то ли чему-то своему.

– Дарвайн'эл, фэйри… – прочитал судья.

А из ратуши вывели самого подсудимого. Тара вздохнула с некоторым облегчением. Он был относительно цел, хоть одежда была испачкана и помята. Но ни следов побоев, ни страха, того самого, с которым люди смотрят на суд и тюрьму, на его лице не было.

Лайрин'айт, увидев брата, оживилась, протиснулась вперед и закричала:

– Дар! Мы здесь!

Он повернул голову на ее голос, увидел и счастливо заулыбался. Тара вздохнула. Кажется, эти двое верят в то, что все будет хорошо в любом случае.

– Фэйри, значит… – судья тоже увидел Лайрин'айт. Скука покинула его лицо, он почесал подбородок и чуть более торжественно произнес: – Дарвайн'эл обвиняется в краже кошеля и шестнадцати талеров золотом.

– Это все ложь! – перебил судью фэйри из клетки. Тара заметила, что держаться он старался посередине, подальше от железных прутьев, словно боялся к ним прикоснуться. – Сальт оболгал меня. Он…

– Я вижу тут записано подтверждение обвинения от трех свидетелей. И ни одного в твою пользу, фэйри. Воровство на земле барона Тирлина – тяжкое преступление…

– Я буду свидетельствовать в его пользу! – выкрикнула Лайрин'айт.

Вокруг раздались гомон и смешки. А потом кто-то крикнул:

– Еще один фэйри. Тоже воровать удумал? Смерть ворам!

Тара схватила Лайрин'айт за плечо и утянула обратно в толпу, прикрыв собой и тихо прошептала:

– Не надо. Будет только хуже!

Судья откинулся на спинку кресла и медленно провел рукой по подбородку.

– Воровство на землях барона Тирлина – тяжкое преступление, – произнес он, снова обращая взгляд на бумаги в своих руках. – Наказание за это либо отсечение обеих рук, либо… – он сделал драматическую паузу, – казнь через повешение.

Толпа зашумела, кто-то крикнул:

– Повесить вора!

– Четвертовать!

Судья снисходительно кивнул, будто соглашался с мнением народа.

– Преступление действительно ужасающее. И я считаю, что для подобного проступка… Четвертовать, нет, не будем. Что ж мы звери? Повешение будет достойным наказанием.

Тара поймала вопросительный взгляд Дарвайн'эла. Хватка Лайрин'айт на ее руке тоже слегка ослабла. Что это значит, она не поняла, но во всяком случае оба фэйри молчали.

Она глубоко вдохнула и решительно шагнула вперед, повысив голос:

– Ваша честь, прошу слова!

Судья поднял голову, прищурившись.

– Что еще?

– Дарвайн'эл – чужеземец. Он из Альвхайденгарда и не принимал подданства Хортланда. Согласно нашим законам, любой житель Хортланда может выкупить жизнь чужеземца у баронского суда.

Судья поднял бровь, а затем нахмурился, задумчиво барабаня пальцами по подлокотнику.

– Закон, конечно, есть… – произнес он медленно, словно с неохотой признавая его существование. – Кто-то хочет выкупить жизнь этого… фэйри?

Толпа вновь загудела, на этот раз еще громче.

– Никто не будет платить за вора!

– Вешай его!

– Чужакам здесь не место!

Тара сделала еще шаг вперед и громко заявила:

– Я! – и повторила еще громче: – Я хочу выкупить его жизнь.

Толпа притихла. Несколько десятков пар глаз уставились на нее с изумлением и презрением. Судья оглядел ее с головы до ног и произнес:

– Ты, наемница, готова заплатить за жизнь этого вора?

– Да, – спокойно ответила Тара, выдержав его взгляд.

Судья фыркнул, затем, словно что-то обдумав, поднял палец и произнес:

– Хорошо. Три тысячи талеров золотом – цена его жизни.

Толпа разразилась гоготом, а кто-то крикнул:

– Сможешь заплатить столько, девка?

– Выкуп должен быть уплачен до того, как часы пробьют шесть! У тебя пять часов, наемница, – сообщил ей судья, – после приговор вступит в силу, и завтра в полдень твоего приятеля-фэйри повесят. Уведите… Следующий…

***

Купец Вайшег со своим обозом и всеми своими людьми покинул Тирлин, как и планировал, утром этого дня. Это Тара выяснила сразу, как они покинули ратушу. Видимо, купца не интересовали делишки его служки, а служка даже ради удовольствия посмотреть на повешение или отрубание рук фэйри не готов был покинуть Вайшега.

Возможно, это и к лучшему.

– Сколько у вас всего денег, Лайрин'айт? – спросила Тара молчаливую и задумчивую фэйри.

Впрочем, Лайрин'айт не плакала и не задавала десять раз один и тот же вопрос. Это было уже хорошо. Спокойствие – первый помощник в сложной ситуации.

– Где-то восемьсот талеров серебром, – помолчав, ответила она и тут же в свою очередь спросила: – Дара повесят? Это что… долго ему придется висеть?

– Что? – не поняла ее Тара. Потом, поняв по-своему, вздохнула и сказала: – Я уже говорила. Я сделаю все, чтобы этого не случилось. Понимаешь?

Лайрин'айт подняла на нее взгляд своих больших зеленых, как изумруды, глаз и кивнула с серьезностью ребенка, с которым говорят, как со взрослым.

Ювелирная мастерская, единственная в городе Тирлине, служила сразу и лавкой ростовщика. А еще над ее дверью едва заметный и чуть в тени, был вырезан ястребиный коготь и под ним маленький круг, символизирующий луну – знак того, что здесь любой наемник гильдии может взять ссуду или получить деньги по векселю гильдии.

Три тысячи талеров – слишком большая сумма. Тара понимала, что как наемница с медным знаком гильдии может рассчитывать на гораздо меньшую сумму. Но попытаться все же надо было. Еще была надежда на то, что если они соберут хотя бы половину суммы, судья, увидев деньги, пойдет на поводу своей алчности. Даже полторы тысячи – это уже очень много.

Стоило им открыть дверь ювелирной лавки и войти, как Лайрин'айт воскликнула:

– Снова он тут!

И в самом деле, у конторки, за которой стоял ювелир, что-то пристально рассматривая, Тара увидела их уже старинного знакомца, имени которого так никто из них и не знал. Черноволосый фэйри обернулся, увидел их двоих, приподнял бровь и усмехнулся.

– И вам здравствуйте.

– Что тебе тут надо? Ты что за нами следишь? Чего с обозом дальше не поехал?! – засыпала его возмущенными вопросами Лайрин'айт.

– Много чести следить за фэйри Двора Лета, – хмыкнул он, переводя взгляд на Тару, – ну что, наемница, неприятности начались? А я же… – он кашлянул и умолк.

– … предупреждал, – спокойно закончила за него Тара, – да, помню, фэйри. Уж не ты ли им виной?

Лайрин'айт зашипела, как дикая кошка, едва не кинувшись на него с кулаками. Остановила ее Тара, схватив за руку. Еще не хватало, чтобы эти фэйри тут подрались.

Он криво усмехнулся и сказал:

– Еще раз повторю: много чести для фэйри Лета, – и отвернулся к ювелиру.

Тот как раз закончил рассматривать какую-то вещь. И Тара краем глаза заметила, что это была шкатулка из черного дерева с какой-то росписью на крышке. Ювелир покачал головой, возвращая ее черноволосому фэйри:

– Ничего такого я не встречал. Очень необычная работа, единичная, я бы сказал. Через меня проходит много всякий фэйрийских вещей. Но такого я не видел. Может вас заинтересуют подвески или браслеты из Альвхайденгарда.

– Нет, благодарю, – ответил фэйри, – я заберу свой заказ?

В этот момент в дверь позади ювелира вошел его помощник и выложил на конторку с десяток медных слитков.

– Могу я полюбопытствовать, зачем фэйри столько меди? – спросил ювелир.

Тот пожал плечами и коротко ответил:

– Пригодится.

– Пуговицы из нее отливать будет! – буркнула Лайрин'айт. – Или пирамидку сложит! Или засунет их себе в… – Тара зажала ей рот рукой.

Фэйри же сложил все слитки до единого в приготовленный мешок, расплатился с ювелиром и, больше не глядя на наемницу и ее спутницу, вышел из лавки. А ювелир обратил внимание на посетительниц:

– Чем могу служить, барышни?

Тара выложила на конторку медный жетон с символом гильдии. Ювелир поднял взгляд на нее, взял жетон в руки, тщательно изучил его. Кивнул. Его пальцы слегка дрогнули.

– Я хочу взять ссуду, как наемник гильдии, – произнесла Тара, – самую большую сумму, какую вы можете мне дать.

Ювелир приподнял брови и, не отрывая взгляда от жетона, начал искать записи под конторкой.

– У вас медный жетон... – сказал он, вновь выпрямившись: – с этим, к сожалению, я могу выдать вам вексель только на девятьсот семьдесят талеров.

Увы…

Тара была разочарована, но кивнула, понимая, что на большее здесь рассчитывать не придется.

Ювелир перевел взгляд на Лайрин'айт.

– Хотя… могу предложить кое-что еще. Если вы хотите, я мог бы выкупить несколько украшений.

Фэйри поняла, что речь идет о ней. Быстро закивала, подходя к конторке, и торопливо сняла с шеи тонкую серебристую цепочку с кулоном в виде маленького прозрачного листа, вырезанного из цельного зеленого камня, сверкнувшего в солнечном свете, проникавшем сквозь низкие окна. Тара даже не представляла, что это может быть за камень. Затем Лайрин'айт вытащила из волос пару изящных серебряных листьев, служивших ей заколками. Порылась в карманах. Но больше не нашла ничего и с досадой покачала головой.

Ювелир принял все, что она положила на конторку, взвешивая в руках, и сказал:

– Ну, что ж… эти украшения стоят кое-что, – он забрал заколки, а потом вернул Лайрин'айт кулон, – а это ничего не стоит. Я добавлю еще тридцать талеров. К сожалению, это все, что я могу предложить.

Фэйри кивнула, и Тара согласилась:

– Хорошо.

– Вы же понимаете, не всякое украшение стоит золота.

Тара. Глава 4, в которой Дара покупают со всем его имуществом

Восемьсот талеров серебром, вексель на девятьсот семьдесят и еще тридцать талеров золотом. Сумма выходила немалая. Вышло больше, чем Тара думала, что они успеют собрать.

Но меньше, чем было нужно. И не золотом.

У них было еще несколько часов до времени, обозначенного судьей, но на то, чтобы найти недостающую сумму, его было недостаточно. И Тара сначала привела Лайрин'айт в таверну, перекусить, хоть аппетита не было у обеих. Вот только заранее светить своими лицами и привлекать лишнее внимание на судилище тоже не хотелось. Еще Тара решила, что если все закончится хорошо, надо будет отыскать их незнакомого знакомца, и попробовать вывести на чистую воду.

Не нравилось ей его предупреждение, и что он постоянно оказывался рядом с ними. Странно выглядела и ситуация с вещами, когда он по сути заставил Дарвайн'эла их показать, и настаивал на этом, а потом так внезапно исчез. Все это могло ничего не значить, а могло быть важным и иметь далеко идущие последствия. А еще… Тара вовсе не исключала этого, ее наниматели могли сами соврать о том, что не знают этого фэйри. Он как раз, кажется, вполне знал, кто они такие и не скрывал этого.

На судилище они вернулись спустя три часа. Ни много, ни мало. Шли разбирательства по всяким мелким тяжбам горожан. Двое судящихся орали друг на друга, писари скрипели перьями, а судья взирал на происходящее с интересом человека, увлеченного сюжетом представления.

Тара и Лайрин'айт стали в первых рядах, но сбоку, чуть в стороне, чтобы быть на виду, но глаза при этом не мозолить.

Разбирательства по тяжбе закончились, судья вынес свой вердикт. И спорщики разошлись, недовольные. Теперь им придется заплатить в казну больше, чем стоил их спор.

Это даже внушило Таре надежду. Если судья все, что касается денег, решает в пользу "взять золота и побольше", то шанс есть.

Как раз в этот момент взгляд судьи остановился на ней. Он даже заулыбался, предвкушая или обогащение, или лишний шанс потешить себя и развлечься:

– А вот и наемница, что хотела выкупить жизнь вора, – протянул он, – вы принесли выкуп?

Тара показала мешочек с монетами и бумагу:

– Здесь тысяча восемьсот талеров серебром, золотом и в векселе.

Судья крякнул, похоже, удивленный, что им удалось достать столько денег в столь короткий срок, но взял себя в руки, подался вперед и сказал:

– Этого явно недостаточно. Сумма выкупа назначена в три тысячи талеров.

– Господин Дас, я прошу у вас милости для фэйри Дарвайн'эла, – заговорила Тара быстро, но чеканя каждое слово: – он – чужеземец и не знает законов Хортланда и баронства. Я прошу вас, снизить сумму выкупа. Когда он поступит в мое распоряжение, я прослежу за тем, чтобы он не нарушил более никаких наших законов.

Судья, прищурив глаза, подумал и, поджав губы, сказал с презрением:

– Чужестранец, говоришь? Не так уж и важно, кто он и откуда. Если я буду потакать всяким пришлым фэйри, что будет с вверенным мне городом? Такой подход не устроит ни меня, ни город, ни нашего достопочтеннейшего барона!

Толпа вокруг зашумела, кто-то выкрикнул:

– Повесить вора! Ворье на виселицу!

Судья повернулся к ним и, расправив плечи, громко произнес:

– Как я уже говорил, если выкупа нет – завтра в полдень Дарвайн’эл будет повешен.

Раздались бурные овации. Тара от досады сжала кулаки. Желание покрасоваться перед горожанами оказалось сильнее алчности.

– Я его выкуплю! – казалось, шум и гомон людей перекричать было невозможно, однако этот голос услышали все.

Вперед выступил черноволосый фэйри, а в руках у него был холщовый мешок, в который, Тара была уверена в этом, он складывал медные слитки в ювелирной лавке.

– Ты что посмеяться пришел? – крикнула ему Лайрин’айт.

Но тот не обратил на нее внимания, а вот на Тару взглянул, но не как раньше, с усмешкой и легким презрением, а как-то серьезно. Она же заметила нечто странное. Они расстались в ювелирной лавке всего пару часов назад, а под его глазами залегли глубокие тени. Он как будто за эти пару часов осунулся и похудел еще сильнее. Тара нахмурилась.

– Фэйри будет выкупать фэйри? – изрек судья.

– Я – подданный Хортланда. И по закону имею право на это, – спокойно ответил тот. Он вытянул руку с мешком, распустил завязки и вытащил оттуда золотой слиток: – здесь золота в слитках на всю названную вами сумму и даже чуть больше. Тут два стоуна чистого золота.

Тара видела, как заблестели глаза судьи. Люди притихли. Такого, пожалуй, не видел в своем баронстве даже сам барон. Даже она сама затаила дыхание. Но это уже скорее пытаясь угадать, что скажет судья, как он поступит.

– Эй! – крикнул тот страже. – Возьмите у него слиток и снесите казначею. Пусть он проверит...

Фэйри быстро спрятал слиток в мешок и отступил на шаг, выставляя перед собой руку:

– Нет, казначей пусть сам придет сюда и проверяет при мне. И приведите вора. Я хочу видеть, что с тем, что я выкупаю, все в порядке.

Судья скривился, но приказал привести казначея и осужденного.

Алчность победила. Против силы чистого золота тщеславие судьи уже устоять не сумело.

Казначей долго возился с весами и склянками, разложив их на столе, за которым сидели писари.

Царапал слиток железной иглой, капал на него из разных склянок, взвешивал и так, и эдак, пока, в конце концов, не объявил удивленно:– Это чистейшее золото... Такого просто не бывает. В нем нет примесей. Народ на судилище вновь загомонил. Кто-то зашептался о магии и о том, что фэйри могут любой металл превратить в золото.

Тара недоверчиво рассматривала этого спасителя. Все же способ, которым он воспользовался, ей не нравился. Она собиралась выкупить Дарвайн'эла, а потом предложить обоим фэйри проводить их до Луи'занэра, бесплатно. Денег платить ей у них бы все равно не осталось. А вся эта ситуация должна была наглядно продемонстрировать им, что сами они в Хортланде не выживут.

И нет, вешать на них долг или по-настоящему заявить, что она хозяин Дарвайн'элу, она не собиралась. Что-то ей подсказывало, что эти двое – практически дети, хоть черноволосый фэйри и не выглядел намного старше них.

Привели Дарвайн'эла. И Таре показалось, что выглядит он еще более спокойным и даже чем-то довольным, чем тремя часами ранее.

Ропот нарастал. Слышалось что-то о магии и об обмане. Но казначей проверил все двенадцать слитков и везде удостоверил, что они из чистейшего золота самой высшей пробы.

Судья поднял руку, а один из стражников выкрикнул:

– Тишина, когда господин судья Винкар Дас говорит!

И люди умолкли.

– Я принимаю плату за жизнь вора Дарвайн'эла, – важно произнес судья, – напишите ему бумагу, подтверждающую выкуп! Дарвайн'эл, твоя жизнь, твой труд и все твое имущество отныне принадлежит этому фэйри, подданному Хортланда. Он имеет право тебя заклеймить собственным клеймом и распоряжаться тобой на свое усмотрение. Отпустите его.

***

Лайрин'айт и Дарвайн'эл из двора ратуши практически выбежали – так им хотелось побыстрее покинуть это место. Дарвайн'эл при этом, не останавливаясь, болтал какую-то чушь:

– ...тюрьма ну такое место. Там сыро и холодно. И представляешь, вот такенные крысы бегают. Но быстрые! Я как не пытался, все их зачаровать не получалось. Не успевал. Я ее магией, а она, нырк в стену...

Отстав от них на несколько шагов, шел фэйри, выкупивший его у правосудия, и на ходу сворачивал бумагу, выданную ему судьей, в соответствии с которой Дарвайн'эл становился его собственностью. Рабом.

Тара покинула ратушу последней. И мысли ее были заняты теперь попытками понять, как можно выпутаться из этой ситуации. Наемник может нарушать закон в рамках выполнения задания. Тогда все последствия, если ее поймают, падут на нанимателей. Взять парочку фэйри и попытаться скрыться от этого новоиспеченного рабовладельца было бы как раз таким нарушением. И тогда Дарвайн'элу будут вменять в вину не только воровство, но еще и побег от хозяина. А Лайрин'айт будет его сообщницей.

А они вон, идут, как ни в чем не бывало, взявшись за руки. Ну, честное слово, как дети!

– Эй! – черноволосый фэйри окликнул их, а когда они повернулись, помахал им бумагой: – Вы ничего не забыли?

– Так это и был твой план, фэйри? – в свою очередь спросила его Тара, – Заполучить себе раба таким образом?

Он обернулся и уставился на нее то ли удивленно, то ли недоуменно. Но вообще по всему было видно, что она застала его врасплох.

– Ммм… – протянул он, прежде чем заговорить, – мой план был подождать в Лекснхарпе, пока они отчаются найти проводника, и проследить, чтобы они без приключений вернулись в Альвхайденгард… Такой был план. Ммм… меня Линта'эл зовут, кстати.

Тара недоверчиво посмотрела на него. Пожалуй, это было уже неожиданностью даже для нее. Она ведь думала услышать какую-нибудь отповедь, мол, иди своей дорогой, этот фэйри теперь моя собственность и так далее.

Он, кстати, тоже выглядел удивленным, словно не ожидал, что она пойдет за ними.

– Очень нам нужна была твоя помощь! – фыркнула Лайрин'айт, подскочив к ним. – И без тебя бы разобрались… Хмырь!

– С чем? Твоего брата едва не повесили. Или вы лишились бы всех своих денег и оказались должны наемнице, вот ей, – он кивнул головой в сторону Тары.

– Меня зовут Тара, кстати, – вставила она, и на мгновение ей показалось, что эта реплика его смутила.

Однако то, что выдали брат и сестра дальше, заставило их на несколько секунд замолчать, лишь взирая на двоих фэйри и не находя слов.

– Ну и повесили бы, – хмыкнул Дарвайн'эл, – повисел бы. Надолго что ли вешают?

– И повисел бы! – поддакнула Лайрин'айт.

Тара тут же вспомнила странный вопрос фэйри, после первого суда, когда они искали ювелирную лавку. Тогда ей показалось, что та спрашивает, когда будет можно забрать тело брата, чтобы похоронить.

Теперь же все стало на свои места, но что им ответить, Тара просто не могла понять.

– Они ничего не поняли, – первым обрел дар речи Линта'эл, – видишь?

Тара медленно кивнула, а он спрятал бумагу, свернутую в трубочку в рукав и сказал:

– Пошли, покажу кое-что.

– Что?! – хором спросили брат и сестра.

– Как надолго вешают преступников в славном городе Тирлине.

Теперь он шел впереди, за ним последовали Лайрин'айт и Дарвайн'эл. И уже за ними следом, все еще не отошедшая от изумления, последовала Тара.

Они обошли ратушу, вышли сначала на рыночную площадь, не слишком людную в этот день, по всей видимости, из-за судилища, и вышли к месту между рыночной и городской площадями, где в Тирлине устанавливали виселицы. Тара не любила подобные зрелища, хоть и могла заставить себя отнестись к этому равнодушно. И к счастью висельников было всего двое. Один прямо на улице, по которой они шли, а второй на другом конце, до него было три-четыре десятка шагов. Но сейчас ей было немножечко любопытно. Она не подумала, вернее, забыла подумать, что то, что собирается сделать этот фэйри, вообще-то может оказаться жестоким по отношению к Лайрин'айт и Дарвайн'элу.

– Этого повесили за ноги, – прокомментировал Линта'эл, указав на ближайшего, висящего вниз головой, с почерневшим лицом и вывалившимся языком, – а того – за шею. Как давно, не знаю. Наверное, неделю назад, а может две. Хотя нет, они в слишком хорошем состоянии. Все же неделю назад…

– Ой! – Лайрин'айт ойкнула, отвернулась и уткнулась в плечо Тары, закрыв лицо руками, и прижалась к ней.

Тара, не ожидавшая подобного, неуклюже погладила ее по спине. Фэйри вздрогнула и прижалась еще сильнее.

Ее брат побелел, как мел и проговорил, еле-еле шевеля губами:

– Они… что, мертвые? Да?

– Мертвее не бывает! – широко улыбнулся в ответ Линта'эл. – Как думаешь, смотрелся бы ты в их компании третьим?

Дарвайн'эла согнуло пополам и вытошнило прямо на мостовую.

– Вы как хотите, а я хочу есть, – заявил Линта'эл в завершении сего образовательного демарша, и обратился к Таре: – где вы остановились?

– Мы тебя с собой не звали, – сдавленно проговорила Лайрин'айт, всхлипнув.

– Мы будем рады, если ты присоединишься, Линта'эл, – спокойно проговорила Тара, успокаивающе погладив Лайрин'айт по плечу.

Дарвайн'эл по известным причинам в диалоге участвовать пока никак не мог.

***

Таверна, в которой прошлым вечером сняли комнату Тара и Лайрин'айт даже для Тирлина была захудалой. Но, увы, фэйри согласились пустить только сюда.

Тяжелые дубовые столы с заскарузлыми столешницами стояли криво на неровном полу. Пахло сыростью, старым жиром и гарью.

Тара села к стене, облокотившись на спинку деревянной скамьи. Здесь даже стульев не было. Впрочем, ячменная каша и мясо на ее тарелке не вызывали отторжения. Пахла еда неплохо, порция была вполне приличных размеров. Да и после всех этих волнений есть хотелось по-настоящему.

К тому же вид с аппетитом жующего фэйри вдохновлял. Линта'эл ел так, словно эта пища была наивкуснейшая, подбирая хлебом подлив с тарелки, быстро и жадно, будто несколько дней был на голодном пайке.

Тарелки брата и сестры были почти нетронутыми. Лайрин'айт грустно ковырялась в овощах, разминая их вилкой. Дарвайн'эл пощипывал кусок хлеба, но не донес до рта и маленького кусочка. Иногда они бросали несчастные взгляды на Тару или Линта'эла, но оба молчали.

В какой-то момент Дарвайн'эл, ссутулившись, поднял глаза и тихо произнес:

– Спасибо вам... обоим.

Лайрин'айт замерла, затем поддержала брата:

– И правда... спасибо.

Линта’эл кивнул, приложившись к кружке с кисловатым пивом, оторвался от нее, поморщился и сказал:

– К вину еще можно привыкнуть. Но пиво…

– Здесь его просто не умеют варить, – ответила Тара, наблюдая за ним.

– Почему… ты нам помог? – запнувшись, спросила Лайрин’айт.

– В самом деле, – устало проговорила Тара, – Линта’эл, то, что ты отвалил судье – это же целое состояние. Два стоуна золота…

– У людей золото и серебро имеют такое значение, – пробормотал Дарвайн’эл.

– Еще какое. Тара… я ведь правильно расслышал? Тебя зовут Тара? – черноволосый фэйри вопросительно на нее посмотрел.

– Да. Это мое имя.

– Такое простое для наемницы…

– Меня устраивает, – перебила она его, возможно, вышло немного резко.

– Зови меня Линт, – тут же сказал он, – мы не в Альвхайденгарде.

– Ой! – почему-то обрадовалась Лайрин’айт. – Меня тоже можно звать просто Лайрин. И Дара… правда? – она посмотрела на брата.

Тот кивнул.

А Тара ощутила в этот момент, словно глубоко внутри проснулось какое-то забытое чувство. Странное… и как будто оно же отдалось в ее сердце болью.

Дарвайн же вернулся к теме разговора:

– Ты не ответил. Почему решил нам помочь? Кто ты вообще такой?

Линта’эл усмехнулся.

– Да жалко стало, что из-за вас, дурачье, совсем сгинет Двор Лета. Жалко вас, убогих недорослей. Ну, и к тому же, – он снова извлек из рукава свернутую в трубочку бумагу и стукнул ей Дара по лбу, – на территории Хортланда ты теперь принадлежишь мне.

Дар насупился. Лайрин же посмотрела с укоризной:

– Мог бы просто ответить…

– Ты был в подобной ситуации, – внезапно для самой себя проговорила Тара, – только помочь было некому, ведь так?

Линт посмотрел на нее, приподняв одну бровь, принял самый, что ни на есть, серьезный вид и произнес:

– Конечно, все так и было.

– И что? – снова хором спросили Лайрин и Дар, подавшись вперед.

– Ну… меня повесили, – продолжил он все тем же серьезным с ноткой торжественности тоном. – Вот, посмотрите.

Он поднял подбородок, на шее был глубокий красно-синий то ли след, то ли шрам от веревки. Тара тихонько фыркнула, почувствовав какой-то подвох. Правда, до конца не могла понять, какой. А фэйри вытянули шеи, присматриваясь.

Линта’эл держался секунд десять, а потом просто покатился со смеху. След с его шеи мгновенно пропал. Лайрин и Дар оторопело посмотрели на него. А он заговорил сквозь смех:

– Ох… вы поверили? Вы что иллюзию не распознаете? Вот уж действительно, недоросли. Чему вас учили? Даже человек и то понял…

Лайрин, насупившись, проговорила:

– Чтоб тебя шайсары утащили ночью! И конечности твои раскидали по оврагам!

Линта’эл тут же перестал смеяться и одарил Лайрин таким взглядом, что той захотелось спрятаться под стол, а потом обратился к Таре:

– Из Тирлина надо уходить, я бы даже сказал, прямо сейчас. Но у меня нет лошади. С вашими что?

– Все три здесь в конюшне, – коротко ответила Тара. У нее, в отличие от ее нанимателей, не возникло никаких вопросов, – и есть деньги купить четвертую.

Во всяком случае, она хоть как-то сможет его таким образом отблагодарить. Странно, что он все вертит у Дара перед носом этой бумагой, а вот о золоте и долге ничего не сказал.

– Я с вами поеду. Куда там? В Лексхэйвен на Тсам-Храйдс?

Тара кивнула.

– Эй! – снова заголосила Лайрин. – Мы не звали тебя! Тара! Зачем он нам?

– Вот и закончилась благодарность Двора Лета, – заключил Линта'эл, и, проигнорировав возмущения, продолжил говорить с Тарой, – меня не надо защищать. И я неплохой лекарь. Скажем, это будет просто жест доброй воли. Как считаешь, Тара, буду я тебе полезен?

Ее губы тронула легкая улыбка:

– Если будешь защищать себя сам, это, пожалуй, компенсирует затраты на твое пропитание, Линт.

– Элин-а син'тарэл-дар, – угрюмо пробубнил Дарвайн и тут же получил звонкий подзатыльник от Линта'эла, продолжавшего широко улыбаться Таре.

Мэй. Глава 5, в которой Мэй слышит сплетни и возмущается

Бабочка с крыльями, покрытыми золотым кружевным узором, легко вспорхнула с ее ладони, закружилась над цветочным лугом, задевая тончайшие переливающиеся на солнце нити. Они натянулись, будто звенящие струны, и мир откликнулся – колосья трав наклонились, лепестки цветов шевельнулись, воздух задрожал от невидимой мелодии.

Мэй провела пальцами по ближайшей нити. Она была теплой, словно солнечный луч, и подчинялась каждому движению ее руки. Стоило чуть наклонить ее в сторону – и ветер изменил направление, унося с собой пряный запах полевых цветов. Она попробовала переплести две тончайшие нити, наблюдая, как узор на мгновение меняется, создавая новую форму – и тут же мир вокруг послушно подстроился под это изменение.

Теплый ветер запутался в ее волосах, звучала музыка – неведомая, но до боли родная. Она чувствовала, как соткан этот мир, как он дышит, как он движется. А она могла касаться его, направлять, создавать новый узор.

– Мэй Кэтрилан! – раздался издалека резкий, требовательный голос.

Мир дрогнул. Луг померк. Золотые узоры исчезли.

– Мэй Кэтрилан! – повторил голос, громче, нетерпеливее.

Мэй с усилием разлепила веки.

Раннее утро, комната на четвертом этаже в замке Эрития. Солнечные лучи пробивались сквозь тяжелые бархатные шторы.

Раздался резкий стук в дверь.

– Пора вставать! – донеслось снаружи.

Мэй села в постели. Волшебство сна не хотело отпускать. Но ей пришлось с огромным сожалением послушаться домну Сердженцию. Она и так спала сегодня непозволительно долго. Благородным девицам следует просыпаться с первыми лучами солнца, а на заре быть одетыми, умытыми и готовыми проследить за замковой кухней, чтобы господину герцогу и его людям вовремя подали завтрак.

Вдобавок Мэй была отведена роль компаньонки дочери герцога Эрития, Лайи Эрития. А, значит, она должна поспешить в покои молодой госпожи, чтобы помочь ей одеться и причесаться.

– Мэй! Сколько можно спать?!

Это уже не голос домны. Конечно же, Лайи – ранняя пташка. Она не дождалась, пока Мэй соизволит до нее доползти... Уже и одета, и умыта, и причесана без участия компаньонки.

– Я сейчас, сейчас... – протянула Мэй, выбираясь из постели и касаясь ступнями холодного камня. Она вздрогнула и поежилась. В замках всегда такой промозглый холод. Даже летом.

Мэй глубоко вздохнула, стараясь окончательно прогнать остатки сна, и встала с постели, подошла к двери, протянула руку к щеколде, ощутила неприятное покалывание в пальцах. Это ощущение подействовало даже лучше холода. Раздался щелчок, Мэй отдернула руку, и дверь отворилась. На пороге стояла Лайи. Как всегда, безупречная.

Ее длинные черные волосы были гладкими, словно отполированное черное дерево. Глаза, черные, глубокие, с горящими в глубине искорками, смотрели на Мэй внимательно, с легким нетерпением. Белая кожа казалась еще светлее в утреннем свете, пробивавшемся в коридор сквозь высокие окна.

На Лайи было нарядное платье, которое сшили как раз к сегодняшнему дню: светлая, тонкая ткань ложилась идеальными складками, подчеркивая точеную фигуру, вышивка на бар-

хатном лифе переливалась золотыми нитями. Лайи вообще умела носить любую одежду так, будто она создана специально для нее. Даже в самом простом наряде герцогская дочь выглядела аристократичной и утонченной. Но сегодня, пожалуй, она могла бы затмить даже королеву.

Мэй невольно провела рукой по своим взлохмаченным волосам, пытаясь хоть немного привести себя в порядок.

Рядом с Лайи, недовольно качая головой, стояла крупная, дородная женщина – домна Сердженция, облаченная в строгое темное платье. Она сжала губы в тонкую линию, скрестив руки на груди, и провозгласила, смерив Мэй тяжелым взглядом:

– Благородные девицы не должны валяться в постели до полудня!

Мэй потупилась, чувствуя, как тепло сна окончательно растворяется в холодном утреннем воздухе, и прикусила губу. На языке вертелся ответ, который не понравился бы Сердженции. К счастью из этого безвыходного положения ее выручила Лайи.

– Домна, у вас ведь полно других забот. И первые гости уже начали прибывать. Идите, – с легкой улыбкой вмешалась она, – а мы тут сами разберемся.

Сердженция хмыкнула, явно недовольная таким поворотом, но перечить дочери герцога не стала.

– Как вам будет угодно, госпожа, – процедила она, поклонившись, а затем вновь повернулась к Мэй, одарив ее последним укоризненным взглядом. – Но завтра я сама проверю, встали ли вы вовремя. И если нет, вы потеряете свою привилегию и не сможете больше закрывать двери своей комнаты на щеколду на ночь до самого Тсам-Хрaйдс.

С этими словами она развернулась и величественно удалилась прочь.

Мэй не удержалась и высунула язык, скорчив забавную рожицу. Лайи прыснула в ладошку, а потом схватила подругу за руку и потянула за собой, в комнату.

– У нас еще есть немного времени, – быстро заговорила девушка на ходу, – но скоро нас обязательно потребуют в главный зал. Так что поторопись, умывайся, а я помогу тебе причесаться.

Мэй вздохнула, но спорить не стала. Празднество в герцогском замке – дело серьезное. К тому же посвящено оно будет им двоим. Нет, конечно, Лайи в большей степени. Да и Мэй совсем не хотела оказываться в центре внимания. Но на ее отсутствие на всех этапах этого мероприятия, на беспорядок в прическе или одежде именно сегодня точно обратят внимание.

И она поплелась к стоявшему у окна умывальному тазу.

Позже они устроились перед зеркалом, и Лайи с упоением перебирала ее непослушные пряди, приводя их в порядок, а Мэй с некоторым неудовольствием разглядывала свое лицо. И вроде бы было не к чему придраться, кроме веснушек, которые было бы легко замаскировать простыми средствами. Мэй была вполне миловидной. Карие глаза, чуть вздернутый нос, приятный румянец на щеках. Вот только по сравнению с Лайи лицо у нее было детским. Лайи Эрития, дочь герцога – настоящая леди. У нее и осанка, и взгляд, и манеры… Мэй же, будучи компаньонкой, рядом с ней выглядела младшей сестрой, хоть и была старше на целых полгода.

Лайи встала позади нее, ловко разделяя ее темно-русые волосы на ровные пряди.

– Должно быть наоборот, – не выдержав, засмеялась Мэй. – Это ведь я должна помогать тебе одеваться и причесываться.

Лайи, заплетая ей косу, пожала плечами.

– Главное, что обе будем готовы вовремя, – ответила она. – А значит, домна Сердженция с домной Лунарой не станут нас отчитывать.

Мэй подавила смешок.

– Сердженция говорила, что если я завтра не встану вовремя, то потеряю привилегию запирать свою дверь до Тсам-Хрaйдс.

Лайи замедлила движения, ее пальцы на мгновение застыли в волосах подруги.

– Но ведь завтра нас уже не будет в Эритии, – продолжила Мэй, довольная этой мыслью. – Так что терпеть этих кур осталось совсем недолго.

Лайи чуть слышно вздохнула, опустила голову.

– Да, – тихо сказала она. – Совсем недолго.

Мэй внезапно стало стыдно. Предстоящий их отъезд из Эритии и то, что она слышала о землях фэйри, Альвхайденгарде, бередило ее воображение настолько, что вот даже вернулись сны, в которых она снова видит золотые нити, пронизывающие все живое и неживое вокруг. Она и думать забыла, что для Лайи все это не так просто. Единственная дочь герцога Виладия Эритии росла серьезной, обладала спокойным нравом и врожденным аристократизмом, которого так не хватало дочери барона Кэтрилана. Лайи пророчили представление ко двору королевы Иоленти, брак с каким-нибудь наиболее блистательным кавалером в Хортланде, сыном графа Сантори, например, в общем, будущее, какое полагалось леди из рода Эрития.

Судьба же распорядилась иначе. И все это будущее, вполне понятное самой Лайи, в одночасье исчезло. А на горизонте замаячил Альвхайденгард и фэйри.

Мэй сжала губы, пытаясь найти слова, которые могли бы хоть немного ее утешить.

– Зато мы будем вместе, – сказала она. – Так или иначе, нас обеих бы выдали замуж, и кто знает, может, нас бы вообще разлучили. А в Альвхайденгарде, мы сможем быть рядом. Говорят, у фэйри обычаи не такие строгие, как у наших аристократов.

Лайи подняла на нее глаза, в которых мелькнула благодарность. Затем робко улыбнулась и легонько сжала плечо подруги.

– Спасибо, Мэй. С тобой я точно не пропаду.

Она сделала последний штрих, закрепляя заплетенные косы, и одобрительно кивнула.

– Готово. Теперь ты выглядишь вполне достойно для дочери барона.

Во дворе раздался низкий протяжный звук сигнального рога, возвещавший о прибытии гостей. Лайи и Мэй переглянулись.

– Пора! – скомандовала Лайи.

Они обе выскочили из комнаты и поспешили вниз по лестнице, зная, что им ни за что нельзя опоздать в главный зал.

***

Мэй была младшей из четырех детей барона Кайрона Кэтрилана, первого верноподданного герцога Эритии, его правой руки. У нее было три старших брата, гордость отца. Она же, вроде бы и не обделенная ничем, выросшая в семье аристократа, всегда чувствовала, что занимает в сердце отца куда меньше места, чем ее братья. Мать Мэй умерла, когда девочке было всего три года, и барон Кэтрилан, охваченный горем, погрузился в свои дела, словно надеясь заглушить боль утраты. Он любил своих сыновей, гордился ими, видел в них продолжение своего рода и поддержку в будущем. Но дочь... Дочь напоминала ему о жене, о потере, и, возможно, поэтому его отношение к ней всегда оставалось сдержанным, почти холодным.

Однако Мэй не знала ни бедности, ни нужды. У нее было все, что полагалось дворянской девочке: нарядные платья, лучшие игрушки, учителя и слуги. Ее воспитывала старая нянька, добрая, но строгая, а позже – домна, нанятая отцом, чтобы привить дочери манеры, достойные ее происхождения. Домна следила за ее осанкой, речью, учила вести беседу, танцевать, управляться с иглой.

Но все эти науки: манеры, танцы, вышивка – в детстве ее мало интересовали. Хоть домна и пыталась привить Мэй любовь к изысканным занятиям, девочку манило совершенно другое.

Мэй любила убегать из замка через боковые ворота, прокрадываясь мимо зазевавшихся стражников. Она бродила по окрестным лугам и лесам, находила компанию среди крестьянских ребятишек, которым не было дела до ее дворянского происхождения. Вместе они собирали ягоды, лазили по деревьям, строили шалаши из веток и листьев, смеялись и дразнили

друг друга. В лесу Мэй чувствовала себя свободной, настоящей, какой никогда не могла быть в каменных стенах замка.

Она возвращалась затемно, испачканная в земле, с растрепанными волосами, и каждый раз ее ждала взволнованная нянька, гневные взгляды домны, а порой и мрачное молчание отца. Ее наказывали, лишали сладостей, заставляли часами сидеть над шитьем или перечитывать наставления о должном поведении. Но стоило наказанию закончиться, как Мэй снова находила способ выскользнуть на волю.

А еще у Мэй в детстве был секрет. То, что теперь осталось лишь во снах, тогда было для нее самой обыденной частью мира. Она видела золотые нити, тончайшие, переливчатые, сплетающиеся в замысловатые узоры, пронизывающие все живое.

Эти нити тянулись между деревьями, обвивали стволы, словно светящиеся лозы. Они соединяли людей – отца, ее братьев, слуг – тонкими, едва заметными струнами. Переплетались между птицами и зверями, вздрагивали, когда кто-то двигался, распускались в сияющие завитки, если кто-то смеялся или пел. Иногда Мэй могла коснуться их кончиками пальцев и чувствовала, как они откликаются легкой вибрацией, словно живые.

Она не понимала, почему никто больше этого не замечает. Вопросы об этом приводили только к насмешкам и раздражению взрослых. Слуги добродушно улыбались, называя ее мечтательной, двое старших братьев дразнили за странные выдумки, а отец однажды сухо сказал, что она уже слишком взрослая для детских фантазий.

Лишь однажды Фабиан, младший из троих братьев, признался, что когда-то в детстве тоже видел нечто подобное. Только все это – фантазии детского неокрепшего разума. И они пройдут.

Но хуже всего были разговоры о монастыре дочерей Творца. Мэй слышала, как нянька шепталась с поварихой, обсуждая, что для таких "необычных" девочек иногда не находилось другого места. Тогда страх заставил ее молчать. Она больше не пыталась говорить об этих нитях, старалась не замечать их, убеждала себя, что все это – просто игра воображения.

И постепенно они исчезли.

Теперь Мэй видела их только во снах – зыбких, как туман над рекой, и таких же неуловимых.

А потом постепенно ушли и сны. Да и она сама стала послушнее и спокойнее выполняла указания домны. Однажды ее отцу показалось, что дочь достаточно взрослая и воспитанная.

Ей исполнилось четырнадцать лет, когда отец отвез ее в замок Эритии. Она была одного возраста с дочерью герцога, и Виладию Эритии показалось удачной идеей сделать дочь своего самого верного подданного компаньонкой Лайи.

Мэй и Лайи быстро сдружились, несмотря на то, как отличались их характеры. Лайи была рассудительной, порой строгой, а Мэй – легкомысленной и мечтательной. Но это не мешало им понимать друг друга с полуслова. Вместе они продолжали обучение: совершенствовались в музыке и танцах, часами зачитывались рыцарскими романами, добытыми в замковой библиотеке. Им нравилось представлять себя героинями этих историй, разыгрывать сцены, повторяя речи благородных дам, пылко вздыхавших по своим рыцарям. Они мечтали о любви – обязательно взаимной, о свадьбах – непременно в один день, ведь тогда их пути никогда не разойдутся.

Теперь Лайи должна была отправиться в страну фэйри, в Альвхайденгард. Это было предопределено условиями договора между Хортландом и Альвхайденгардом. Раз в пять лет двенадцать дев Хортландского королевства отправлялись к фэйри. Владыка Альвхайденгарда гарантировал им безопасность и безбедную жизнь. И это было платой за магическую помощь, которую фэйри оказывали людям. Они искореняли болезни и эпидемии, предотвращали засухи и паводки, хранили плодородие земель, благодаря чему урожай в королевстве всегда был щедрым.

Год назад Эритию постигла беда. Моровое поветрие охватило земли, выкашивая деревни одну за другой. Болезнь распространялась с пугающей скоростью, грозя уничтожить все население Хортланда к востоку от Грозового Хребта. Фэйри вмешались вовремя – эпидемию удалось остановить, но теперь настало время заплатить за их помощь.

Герцогу Виладию Эритии пришлось расстаться со своей единственной дочерью. Он согласился скрепя сердце, хотя до последнего пытался найти иной выход. Единственное, о чем ему удалось договориться с канцлером ее величества – Лайи не поедет в Альвхайденгард одна. Вместе с ней отправится Мэй.

Так дочь барона Кэтрилана тоже вошла в число двенадцати дев, готовящихся к отъезду в страну фэйри.

О том, что их ждет в Альвхайденгарде, известно было мало. Принято было считать, что девушки выйдут там замуж за представителей аристократических семей фэйри. Также говорили, что случится это не сразу. Дочери Хортланда должны принять жизнь фэйри, выучить язык, понять обычаи. Говорили, что сначала им предстоит учиться.

И Мэй это казалось каким-то захватывающим приключением, интересным и полным магии.

Мэй видела фэйри и раньше. Она бывала в Сонневейке, деревушке, принадлежащей баронству ее отца. Там жили фэйри, не так много, но достаточно, чтобы их присутствие стало привычным. Были семьи, состоявшие из людей и фэйри, и дети-полукровки, в которых сплетались черты обоих народов.

Но Альвхайденгард завораживал. Он казался ей чем-то чудесным, непостижимым, словно океан в сравнении с родниковым ручьем. Теперь, когда ей предстояло отправиться в земли фэйри, мысли об этом вызывали у нее трепет. Что же она увидит там? Какие тайны откроются перед ней? Чему их будут учить? Может быть, не только языку фэйри и их обычаям, а даже магии?

***

Трапезная замка Эритии сияла золотом факелов, бросавших пляшущие тени на резные колонны и своды. Стены, украшенные гобеленами с изображением сцен охоты и древних битв, словно оживали в дрожащем свете. Потолок терялся в полумраке, а свет от свечей на тяжелых люстрах, подвешенных на кованых цепях, отражался в серебряных и оловянных кубках на длинных столах.

В центре главного стола, поднятого на возвышение, восседал герцог Виладий Эрития – широкоплечий, уже не молодой, но все еще крепкий мужчина с холодным, внимательным взглядом черных глаз и черными волосами, тронутыми сединой.

По правую руку от него – Кайрон Кэтрилан, его первый верноподданный. Барон, чье лицо походило на высеченный из камня монумент, сидел прямо, безмолвно следя за пиршеством.

Остальные столы заполнили знатные вассалы герцога: бароны и аристократы в богато расшитых камзолах и их жены в платьях, отороченных мехом.

За спиной Виладия стояли его люди: командующий телохранителями Иллан Трис, плечистый, с хищным прищуром, его заместитель Дерек Свальд, молодой мужчина лет тридцати, красавец, имевший большой успех среди женщин, а с ними – несколько воинов в парадных доспехах.

Мэй и Лайи вошли в зал, и разговоры за столами стихли. Только треск факелов да стук кубков о столешницы нарушали наступившую тишину. Гости поворачивали головы, провожая девушек взглядами: кто-то шептался, переговариваясь приглушенными голосами, кто-то качал головой, в чьих-то глазах читалось сочувствие.

Мэй вдруг осознала, что никогда не думала, будто в замке герцога Эрития состоится ужин, где она будет одной из тех, в честь кого он устроен. Она старалась шагать ровно и дер-

жать спину прямо, глядя на Лайи, идущую чуть впереди. Осанка дочери герцога оставалась безупречной.

Они остановились перед главным столом и, склонив головы, присели в книксене. Виладий Эрития поднялся, протянул руку и бережно коснулся лба дочери губами. Кайрон Кэтрилан, сидевший рядом, лишь коротко кивнул в ответ на поклон своей дочери и тут же отвел взгляд.

Мэй же напротив задержалась буквально на секунду, прежде чем последовать за Лайи и занять приготовленные для них места за столом слева от герцога. Она едва заметно улыбнулась в ответ на улыбку юноши в красно-черном плаще, стоящего позади Виладия Эритии. Большего позволить себе она не могла.

Орину, как и ей, исполнилось восемнадцать лет в этом году. И он уже пять лет состоял при Иллане Трисе, сначала оруженосцем, а сейчас был принят в войско герцога и даже удостоился чести стоять в почетном карауле за его спиной во время сегодняшнего приема. Неплохо для мальчишки без роду-племени, имеющего лишь талант и тягу к мечу и целеустремленность, которой бы многие позавидовали.

Лайи и Мэй заняли места за столом, герцог поднялся, и в зале вновь воцарилась тишина. Он оглядел собравшихся, задержав взгляд на дочери. Затем медленно поднял кубок, и свет факелов отразился в рубиновом вине.

– Сегодня в этом зале собрались все, кто верен Эритии, – начал он, его голос, низкий и ровный, заполнил собой просторный зал. – Все, кто трудился ради ее процветания, кто мечом и разумом защищал ее от врагов, кто остался предан ей даже в самые тяжелые времена. Я благодарю вас за это.

Он на мгновение умолк, словно подбирая слова, а затем продолжил:

– Год назад нашему дому грозила беда. Моровое поветрие пришло с востока, и смерть шагала по нашим землям. Оно забирало целые семьи, опустошало деревни. Мы потеряли слишком много. И, возможно, потеряли бы все, если бы не помощь Альвхайденгарда. Фэйри протянули нам руку, остановили болезнь. Они дали нам шанс, и ценой этого шанса стала моя дочь.

В зале стояла полная тишина. Гости слушали, некоторые потупили взор.

– Я человек чести, – продолжил он. – И если мне поставлены условия – я их принимаю. Если цена за спасение Эритии – моя дочь, то я отдам ее. Это мой долг как герцога. Я не могу позволить слабости заслонить благо моего народа.

Он повернулся к Лайи и посмотрел на нее с той же печалью, что и прежде.

– И потому я хочу, чтобы сегодня все, кто находится в моем замке, знали: Лайи спасла Эритию. Ее судьба – плата за будущее моего герцогства. И Мэй Кэтрилан, дочь Кайрона Кэтрилана, которая отправится в страну фэйри вместе с Лайи, также достойна вашего уважения и восхищения! Потому как нет большей чести для подданного, чем везде и всюду следовать за господином. Или госпожой!

Герцог поднял кубок выше.

– За Лайи Эритию и Мэй Кэтрилан. Да будет их путь легким, а судьба благосклонна к ним.

– За Лайи! За Мэй! – раздались голоса, и десятки кубков взметнулись в воздух.

– Мэй, – шепнула ей на ухо Лайи, – я не твоя госпожа. Ты ведь это помнишь?

Мэй улыбнулась в ответ и кивнула. Кто-кто, а Лайи никогда не обращалась с ней, как с прислугой, хоть домны частенько высказывали ей за это – она должна соблюдать дистанцию, не подобает так сближаться с компаньонкой, вести себя надо сообразно титулу и так далее, и так далее…

Вторым взял слово Кайрон Кэтрилан. Но был он краток. Лишь поблагодарил герцога за отношение к его семье и пообещал за себя и своих сыновей и дальше служить верой и правдой,

понадеялся, что его дочь не посрамит славное имя Кэтриланов и будет достойна той чести, которую ей оказали.

Мэй ничего другого и не ожидала. Она вообще пропустила мимо ушей половину слов отца, с грустью глядя на лица присутствующих. Увы, никого из братьев здесь не было. Не то чтобы она была с ними очень уж близка. Но с Фабианом попрощаться хотелось. Из всех троих он хотя бы не издевался и не дразнил ее в детстве.

Несколько гостей поднялись со своих мест, один за другим произнося тосты. Кто-то славил благородство Виладия Эритии, кто-то восхвалял его мудрость, мужество и решительность, ведь он жертвовал единственной дочерью, отдавая ее фэйри ради процветания герцогства.

В воздухе смешивались ароматы вина, запеченной дичи и восковых свечей, а звуки лютни и виолы наполняли зал мягким фоном, едва заглушаемым гулом голосов.

Официальные речи закончились. Бароны переговаривались о делах, их жены делились новостями, слуги бесшумно наполняли кубки и убирали пустые блюда. Лайи чуть тронула Мэй за локоть, указывая на двух девушек, направляющихся в их сторону. Мэй мысленно глубоко вздохнула, готовясь к самой неприятной части вечера.

– Лайи, – с улыбкой произнесла Элестина Монтвельд. – Какой чудесный вечер, не правда ли?

Она грациозно опустилась на скамью рядом с Лайи, ее серебристо-серое платье, расшитое жемчугом, мягко переливалось в свете факелов. Этот же свет ложился на кожу девушки так, словно она была из фарфора. За ней поспешила Марисия – в светло-голубом наряде, с сияющими от любопытства глазами.

– Я до сих пор не верю, что ты действительно поедешь в Альвхайденгард, – вздохнула Марисия. – Это же так... необычно! Наверное, невероятно интересно.

Марисии было лет четырнадцать, а ее сестре уже семнадцать. Обе они, дочери графа Монтвельда приходились Лайи кузинами. И Элестина надувалась, как болотная жаба от важности из-за того, что уже побывала при дворе, где ее представили королеве Иоленти, и уже была помолвлена. Мэй предвкушала, что ей не понравится то, о чем сейчас будут говорить сестры Монтвельд.

– А ты знаешь, что говорят о фэйри при дворе? – тут же не разочаровала ее Элестина.

Лайи натянуто улыбнулась, но прежде чем она успела что-то ответить, Марисия уже продолжила:

– Я слышала, что фэйри Альвхайденгарда... не женятся! Они не устраивают свадеб. И вообще...

– Это только слухи, – возразила Лайи. – При дворе королевы есть фэйри, которые женились на наших леди. Они приняли подданство Хортланда. Так что…

– Но это же всего несколько человек... фэйри, всего несколько фэйри! – перебила ее Элестина, склонив голову набок. – А, например, канцлер Варго'эл. Он ведь тоже фэйри. И первый принял подданство Хортланда. Он не женат.

Марисия захихикала.

– Но все же знают, что он – любовник коро… Ой! – старшая сестра больно ущипнула младшую.

– Я слышала еще кое-что... – Элестина заговорщически понизила голос. – Говорят, что фэйри могут заставить человека влюбиться в них без памяти. Очаровывают взглядом, голосом, магией…

Мэй, оказавшаяся за ее спиной, но как раз напротив Лайи, картинно закатила глаза. Лайи подавила смешок.

Марисия энергично закивала:

– А еще – что девушки из Хортланда им нужны лишь… как наложницы. Вроде гаремов у князей Нимидии!

Мэй демонстративно цокнула языком, и уже набрала воздуха в легкие, чтобы что-нибудь да ответить, но Лайи ее опередила:

– Это нелепо. Да, у фэйри свои порядки, но наша королева не отдала бы нас в Альвхайденгард, если бы там нас ожидало что-то подобное. Это всего лишь слухи. Не пристало благородным дамам, словно прачкам, разносить сплетни!

– Конечно, – многозначительно протянула Элестина медовым голосом. – Иногда неведение – лучшее спасение.

Марисия нервно хихикнула, Лайи поджала губы. Мэй не выдержала и, наклонившись к Элестине, сказала:

– Говорят, что у тех, кто не в свои дела лезет, нос отрастает!

Элестина вздрогнула, ойкнула, поняла, что это не кто-то важный, а всего лишь Мэй, резко встала и уже, не говоря ни слова, поспешила их покинуть. Марисия растерянно похлопала ресницами и побежала догонять сестру.

– Какая она противная, – выдохнула Мэй, – как не появится, все время все обгадит. Лайи!

– Не подобает так говорить, Мэй Кэтрилан, – нравоучительным тоном проговорила Лайи.

– Хорошо миледи, – Мэй покорно склонила голову, – ваши кузины похожи на тех милых птиц, что роются в отходах на заднем дворе и издают такие звуки, словно на них напала икота.

Лайи хихикнула в кулачок.

– Ты видела, что у Элестины с лицом? – продолжила Мэй. – Она вся обмазана этими… слезами принцессы фэйри! А под этим снадобьем у нее, наверное, весь нос в буграх!

Герцогская дочь взглянула на свою компаньонку чуть укоризненно.

– Леди Лайи! – домна Лунара, невысокая и худощавая в противовес массивной домне Сердженции, пробиралась через толпу к девушкам, помахав им рукой. – Леди Лайи! Ваш отец, господин герцог, желает вас видеть!

Лайи улыбнулась Мэй, чуть наклонив голову, словно говоря: “Я ненадолго”. Потом развернулась и, гордо выпрямив спину, направилась вслед за домной Лунарой. Мэй смотрела ей вслед, пока подруга не скрылась за спинами гостей.

Оставшись одна, она вздохнула и снова уткнулась в свой кубок. Вино было совсем легким и сладким, но Мэй никогда его не любила. Слухи, выданные Элестиной, не особо ее тревожили. Она слышала много разных сплетен, чтобы принимать их всерьез. Конечно, фэйри – загадочные существа, но вряд ли Альвхайденгард был полон гаремов и соблазнителей, способных по одному взгляду подчинить человеческую волю. Все эти россказни походили на глупые страшилки.

Она усмехнулась про себя, и в этот момент кто-то коснулся ее плеча. Легко, почти невесомо, но ощутимо.

Мэй вздрогнула, быстро подняла взгляд. Это был Орин.

– Идем, – тихо сказал он.

– Куда? – спросила она, но он не ответил, только слегка наклонил голову в сторону.

Его рука скользнула вниз, он взял ее за локоть. Не сжимая, не принуждая, но давая понять, что он ждет, что она последует за ним.

Мэй колебалась лишь мгновение. Вокруг стояли люди, но на нее никто не обращал внимания. Музыка, смех, звон бокалов – все смешивалось в единый праздничный гул. Подчиняясь внезапному порыву, она поднялась со своего места и последовала за Орином.

Он скользнул мимо столов, ведя ее к одной из ниш зала, прикрытых бархатными портьерами. Мэй едва успела войти за ним, как он ловко задернул полог, отрезая их от внешнего мира. В полутемноте ниши слышалось лишь их дыхание и гулкий шум зала, приглушенный тяжелой тканью.

– Зачем ты меня сюда привел? – прошептала она.

Орин чуть наклонился к ней, в полутьме его лица было почти не разобрать. Лишь глаза сверкали странным блеском.

– Хотел поговорить, – его голос был ровным, но в нем чувствовалось напряжение. – Пока еще можно…

Она молчала.

– Ты завтра уезжаешь, Мэй.

Мэй сжала пальцы, ощущая тепло ладони Орина, но не пыталась отнять руку сразу. Она смотрела в его лицо, едва различимое в полутьме, и чувствовала, как внутри зарождается тревога. Они не должны быть тут вдвоем. Идти с ним сюда было явно ошибкой…

– Не хотел бы, чтобы ты уезжала, – тихо сказал он.

– Все уже решено, Орин. Ничего нельзя изменить.

Он нахмурился.

– Ты не знаешь, что там ждет тебя. Я слышал, что фэйри держат гаремы. Ты знаешь, что это такое? Я хочу тебя спасти от этого!

Мэй вспыхнула.

– Это нелепые слухи! – резко возразила она. – Меня не от чего спасать.

Орин молча смотрел на нее, сжав губы, словно борясь с собой. А потом сказал:

– Давай сбежим.

Мэй широко раскрыла глаза, пораженная.

– Ты с ума сошел, Орин! Это… это невозможно!

Она попыталась отстраниться, но он крепче сжал ее руки.

– Почему? Мы могли бы уйти далеко! Я приготовил все: лошадей, у меня есть деньги, можно добраться в Златоштад, а оттуда в Нимидию…

“Ох… А вот гаремы Нимидии – это как раз не слухи”, – подумала Мэй.

– Нет! – резко выдохнула она, отдернув руки. – Нет, Орин! Это..

Она захотела выбраться из ниши. Даже слов не было, чтобы ответить ему. Но Орин схватил ее за запястья, притянул к себе и внезапно прижался своими губами к ее.

Мэй резко оттолкнула его, сильнее, чем сама ожидала. Он качнулся, а она, потеряв равновесие, сделала шаг назад – и вдруг почувствовала, что падает. Еще мгновение – и она оказалась за пределами ниши, едва удержавшись на ногах.

– Ох! – вскрикнула она. Губы горели от поцелуя, а щеки от возмущения и стыда.

Рядом оказался лакей, несший поднос с пирогами. Он замер, уставившись на нее с вежливым, но удивленным выражением. В шуме зала никто не обратил на это все внимания, но от этого не становилось легче.

Мэй лихорадочно сглотнула, чувствуя, как горят щеки. Она почти физически ощущала, что Орин стоит за портьерой, в полутьме ниши. Ей хотелось обернуться, но она заставила себя этого не делать.

“Останься там”, – почти умоляюще подумала она: “Прошу тебя, не выходи”.

Она одернула платье, постаралась придать лицу спокойное выражение и, подняв подбородок, сделала вид, что ничего не случилось.

***

Мэй не спалось. Она ворочалась в постели, то натягивая одеяло до самого подбородка, то сбрасывая его, словно в лихорадке. В голове раз за разом всплывал сегодняшний вечер, и больше всего – то, что сделал Орин.

Она не могла понять, что именно чувствовала. Гнев? Возмущение? Смущение? Страх? Все вместе? Мэй закрыла глаза, пытаясь отогнать эти мысли, но стоило ей немного задремать, как память вновь и вновь возвращала ее в ту нишу за портьерой, к его горячему дыханию, к его рукам, сжимающим ее запястья.

Вдруг в тишине раздался осторожный стук в дверь. Легкий, почти неслышный, но он тут же вернул ее в реальность.

Мэй резко села на постели.

– Кто там? – прошептала она.

– Это я, – раздался знакомый голос.

Мэй тут же вскочила, распахнула дверь – и увидела на пороге Лайи.

– Что случилось? – спросила она, всматриваясь в лицо подруги.

Лайи была в тонкой ночной рубашке до пят, волосы заплетены в косу, но выглядела она встревоженной и замерзшей.

– Мне… мне немного не по себе, – тихо призналась Лайи. – Ночью одной так тихо… и одиноко.

Мэй с облегчением вздохнула. Сама не поняла, чего так перепугалась. Это все этот дурак Орин и его выходка! Вот еще один повод позлиться на него.

– Переночуешь со мной? Как раньше? – сказала она.

Лайи кивнула. И Мэй отступила назад, пропуская ее в комнату.

Они устроились на широкой постели, как когда-то давно, под одним одеялом, повернувшись друг к другу.

– Завтра мы уезжаем, – прошептала Лайи.

– Да, – кивнула Мэй, вглядываясь в полумрак.

– Как ты думаешь… все это правда? То, что говорят об Альвхайденгарде? – Лайи поежилась, – про гаремы… про то, что нас могут сделать… наложницами… или…

Мэй некоторое время молчала, а потом вздохнула.

– Это всего лишь слухи. Люди всегда придумывают страшные истории про то, чего не знают.

– А если нет? – шепот Лайи был почти не слышен.

Мэй взяла ее руку и сжала.

– Тогда, так или иначе, мы будем вместе. А значит, все будет не так страшно.

Лайи вздохнула, чуть расслабляясь.

– Спасибо, Мэй.

Мэй улыбнулась, чувствуя, как усталость, наконец, подкрадывается незаметно, накрывает ее тяжелой пеленой.

– Спи, – пробормотала она.

Лайи кивнула, и вскоре их дыхание стало ровным и спокойным.

Мэй. Глава 6, в которой молодые леди прибывают в столицу

Карета медленно выехала с замкового двора, миновала тяжелые ворота. Их не затворили, оставив открытыми. В самом сердце Эритии герцогу нечего было опасаться, а его цитадель должна быть открыта для подданных, желающих прийти с прошением, жалобой и просьбой о защите.

Герцогский замок был величественным сооружением, стоявшим на холме в центре города. Он был построен еще в те времена, когда Эрития была отдельным небольшим королевством, зажатым между Хортландом и Узмиром. Высокие башни и массивные стены казались неприступными и грозными. Однако для Мэй и Лайи это был родной дом, который они покидали навсегда.

По мере того, как карета двигалась в сторону городских ворот, замок становился меньше и меньше, вскоре было уже сложно различить какие-то детали. Эрития высился над городом беспорядочным нагромождением донжонов и башен. Под его стенами теснились дома, каменные мостовые петляли между кварталами, а вдалеке уже виднелся путь, ведущий за пределы города.

Домна Сердженция, сидевшая напротив девушек, поджимала губы, будто была крайне недовольна происходящим. Впрочем, это было привычное ей выражение лица. Она настояла, чтобы в дорогу взяли множество вещей: платья, плащи, ларцы с украшениями, перины и даже несколько расписных ширм, что заняло целую отдельную повозку, катившуюся следом за каретой. Лайи считала это излишним, но возражать было бесполезно. Домна стояла на том, что может в страну фэйри молодая госпожа и не возьмет все это, но в королевском дворце дочь герцога Эритии должна затмить всех. На это Лайи находила лишь один аргумент: затмевать королеву было бы дурным тоном.

Все вещи Мэй же уместились в один сундук. Она последовала указаниям, которые передал королевский герольд слово в слово. Взять то, что необходимо в пути и для одного приема в Лексхейвене. В Альвхайденгарде фэйри позаботятся о том, чтобы у девушек было все. Но они покидают родное королевство, чтобы остаться в стране фэйри навсегда, а значит вещи из прошлой жизни им не нужны. Впрочем, они не возражали, если девушки оставят себе что-то памятное.

– Чем-то похоже на вхождение в загробный мир, – как-то еще во время сборов сказала Лайи, – как его описывают в Священной Книге Творца: “войдешь ты в мир иной таким же, как родился, нагим. Лишь твои дела и помыслы будут с тобой”.

– Наши помыслы чисты, а делами мы отличиться не успели, – помнится, сказала тогда Мэй, – и суровый суд не найдет ничего, что могло бы опорочить нас.

– Лень, праздность, бесконечные пререкания и неряшливость! – безапелляционно заявила домна Сердженция с порога, расслышав лишь последнюю фразу Мэй: – тебе, Мэй Кэтрилан, нечего и рассчитывать на Светлые Врата, пока ты не станешь хоть на унцию прилежнее!

– Если я умру в землях фэйри, – тут же выдала Мэй, – я и на суровый суд не попаду. Говорят, они не верят в Творца.

Домна тогда очень рассердилась, и в наказание девушка не выходила из своей спальни целую неделю. Учила наизусть сто стихов Священной Книги о грешниках, низвергаемых суровым судом в Бездонную Бездну, в которой они будут вечно падать в горестном плаче без надежды увидеть Светлые Врата.

На Мэй это производило гнетущее впечатление. Раскаяния она не чувствовала. Просто не понимала, почему она, которая не обидела за всю жизнь ни одного живого существа, должна оказаться в Бездне, потому что любит поспать утром и не любит вышивку.

Кортеж сопровождал сам Виладий Эрития со своими людьми. Все они в черно-красных гербовых накидках, впереди ехал на гнедом жеребце Иллан Трис.

Прежде чем направиться в Альвхайденгард, девушки должны были предстать перед королевой Иоленти в столице. В честь них во дворце будет устроен большой прием и праздник. И только после этого, с остальными десятью девами Хортланда, они покинут земли людей.

Тракт проходил через Грозовой Хребет, когда-то служивший естественной границей между Эритией и Хортландом. Эрития полтораста лет назад стала частью королевства, через горы проложили путь, широкий и ровный, соединивший две части государства.

Почти точно посередине между Эритией и Лексхэйвеном высилась над горами старая крепость – Грозокамень, что некогда хранила покой Хортланда. Давно минули те времена, когда на ее стенах полыхали сигнальные огни, предупреждая о приближении эритианской армии. Теперь же замок стоял, словно каменный призрак ушедшей эпохи, но его все еще содержали в порядке потомственные кастилары из рода Айкама.

Это была четвертая ночевка в пути.

Гостей встретили с почестями: воины выстроились у ворот, слуги склонились в поклоне, а сам лорд Айкама, мужчина немного моложе герцога Эритии, светловолосый, кареглазый и начисто выбритый, вышел встречать их с кувшином вина, соблюдая старинный обычай. Однако замок его был невелик, и разместить всю свиту в отдельных покоях не вышло.

Мэй, Лайи и домну Сердженцию поселили в одной комнате. Но у них просто не было сил, чтобы как-то обратить внимание на неудобства. Усталые после долгой дороги, они все трое устроились на широкой кровати под тяжелым балдахином. Даже Домна Сердженция, казалось, крайне недовольная таким положением дел, ничего не сказала.

Мэй уснула почти сразу же, как голова коснулась подушки. Не помешала ей ни теснота, ни ночные шорохи, ни приглушенные голоса за дверью, ни даже чужая обстановка.

Утром замок ожил. Слуги суетились, готовя завтрак и проверяя повозки. Воины проверяли снаряжение и коней, а герцогские люди оседлали своих лошадей, готовясь к продолжению пути.

Мэй вышла на залитый солнцем двор, посмотреть, скоро ли будет готова их карета. Плащ, едва накинутый на плечи, все время сползал, так что ей приходилось постоянно поправлять его. И тут среди всадников, стоявших чуть в стороне, она увидела знакомое лицо.

Орин. Разве он не остался в замке? По его виду она поняла, что он, по всей видимости, догнал отряд сегодня утром. Сапоги были в грязи, плащ запылен.

Он смотрел прямо на нее.

В груди неприятно сжалось. Воспоминание о том, что случилось за портьерой, успевшее померкнуть, снова вспыхнуло в ее памяти. Его руки, поцелуй и предложение бежать.

Зачем он здесь теперь?

Мэй отвернулась, но ощущение пристального взгляда не исчезло. Казалось, что Орин все еще смотрит на нее.

В следующее мгновение она увидела, что он идет к ней.

Во дворе было людно, но вокруг не оказалось никого, кто мог бы вмешаться: только герцогские люди, занятые своими делами, и несколько слуг из крепости, сновавших между повозками. Мэй вдруг поняла, что ей предстоит еще один неприятный разговор.

Но тут раздался резкий голос:

– Мэй Кэтрилан!

Домна Сердженция шагала к ней, поджав губы и глядя так, будто застала ее за чем-то недопустимым.

– Ты вышла во двор одна? Без сопровождения? – возмущенно начала она. – Разве это подобает молодой даме благородных кровей? Или, может быть, тебе кажется, что на постоялом дворе или в чужом замке тебя никто не увидит и не осудит? Если ты решила, что можешь пренебрегать приличиями, потому что мы в пути, ты глубоко ошибаешься!

Мэй впервые за всю дорогу была благодарна строгой наставнице.

– Вы совершенно правы, домна, – покорно кивнула она, – мне не следовало этого делать. Я исправлюсь.

– Тебе сейчас следует быть подле молодой госпожи Лайи! – не терпящим возражений тоном заявила Сердженция. – Когда карета будет готова, вас позовут.

Мэй быстро кивнула, ловко проскользнула за спину наставницы и бросилась обратно в замок. Она даже не оглянулась на Орина.

В комнате Лайи заканчивала утренний туалет, увидев, как запыхалась Мэй, и выражение облегчения на ее лице, она слегка приподняла брови.

– Ты выглядишь так, словно избежала наказания, – заметила Лайи, – но я слышала, как кричала Сердженция. Что случилось?

– О, ты даже не представляешь, – пробормотала Мэй, присаживаясь рядом на край кровати.

И пока домна Сердженция проверяла их вещи и карету, и, судя по тому, как ее громкий голос то и дело доносился со двора замка, что-то там было не так, как подобает, Мэй поведала подруге о том, что случилось перед самым их отъездом. Лишь по расширившимся от удивления глазам Лайи стало понятно, что рассказ ее изумил до глубины души.

– Орин сделал что?! – ахнула она.

Мэй лишь веско кивнула, подтверждая еще раз свои слова.

– Мне всегда казалось, Орин что-то чувствует к тебе, – проговорила Лайи. – Но чтобы так… Он же понимает, что это преступление? Если бы вы сбежали, вас бы все равно поймали. Его бы повесили, он же простолюдин… а тебя…

– Я бы не сбежала с ним, Лайи, – мрачно пробормотала Мэй, у которой внезапно испортилось все настроение, – даже не думала о таком. К тому же я ведь не люблю его. Да и он никогда не признавался в любви. Только сбежать с ним предложил. И это… – она коснулась губ, словно ощутив снова его грубый внезапный поцелуй.

– Надо сказать домне Сердженции, – внезапно со всей уверенностью выдала Лайи, – она передаст Иллану Трису, и тот отправит Орина обратно в Эритию. Или…

– Нет! – воскликнула Мэй, хватая подругу за руку. – Нет, не надо! Только не говори домне! Если Иллан Трис узнает, что затеял Орин, его накажут как… как простолюдина.. А домна? Ты представляешь, что тут начнется? Нет! Я просто… – она вздохнула, – просто буду держаться от него подальше, вот и все.

Лайи закусила губу, колеблясь. Было видно, что слова подруги не убедили ее до конца. Она перевела взгляд на Мэй, в черных глазах мелькнуло сомнение.

– Но если он попробует снова?.. – негромко спросила она.

– Он не попробует, – решительно сказала Мэй, сжимая руку Лайи. – В столице, во дворце, переживать не о чем. А потом... очень скоро мы расстанемся с людьми герцога. Я буду осторожна.

Лайи поколебалась еще мгновение, затем кивнула:

– Хорошо. Но если хоть что-то будет не так – сразу скажешь мне.

– Обещаю.

Но прежде чем они успели сказать еще хоть слово, дверь распахнулась, и в комнату торопливо вошла домна Сердженция:

– Леди Лайи! Леди Мэй! – отдышавшись, проговорила она, – все готово, карета ждет, пора отправляться.

Девушки быстро собрались и, следуя за домной Сердженцией, спустились во двор. Мэй держалась поближе к наставнице, решив, что пока та рядом, Орин не осмелится к ней подойти. Она украдкой оглянулась, но он был далеко, среди прочих воинов, готовящихся к отъезду.

Когда все расселись, карета тронулась с места, и кортеж отправился в путь.

***

Через четыре дня после того, как они покинули Грозокамень, их кортеж въезжал в Лекс-хэйвен.

Мэй и Лайи зачарованно смотрели в окна кареты, ловя каждую деталь нового для них города. Им не раз говорили, что главный город Эритии не уступает столице в размерах и величии. Но сравнивать их было бесполезно. Лексхэйвен оказался совершенно иным.

– Суета какая… – протянула Лайи, всматриваясь в бурлящую улицу.

– Да, – кивнула Мэй. – Здесь все ярче, громче, и пестрое… даже слишком.

Город жил своей жизнью: торговцы зазывали покупателей, перекрикивая друг друга; уличные артисты демонстрировали трюки; кто-то из нищих тянул к проезжающим руки в мольбе о милостыне, а чуть поодаль богатые кавалеры прогуливались с нарядными дамами.

Карета замедлила ход, пытаясь разъехаться с другим экипажем – богато украшенным, запряженным воронымиlошадьми. Возничие с криками и руганью пытались переспорить друг друга, доказывая, что именно их господин знатнее и богаче. Однако уступить в итоге пришлось встречному аристократу.

Пока его слуги пытались оттеснить толпу, чтобы обе кареты могли проехать по узкой улочке, и прежде чем люди герцога успели отреагировать, к окну метнулась женщина в ярком балахоне, увешанная безвкусными украшениями и бусами.

– Ах, красавицы, златоглавые пташки! – залепетала она, заглядывая в карету. – Подайте монетку, а я скажу вам, что ждет вас впереди! Любовь вас встретит, судьба улыбнется, ох, чувствую, счастье идет к вам навстречу!

Мэй от неожиданности отпрянула, а Лайи нахмурилась.

– Счастье? – пробормотала она.

Но раньше, чем девушки успели что-либо ответить, раздался властный голос:

– Убирайся! – резко бросила домна Сердженция. – Найди себе других простофиль для этих глупостей.

Гадалка ойкнула, но не отступила.

– Ах, миледи, а может, вам предскажу? Вижу…

– Прочь! – Орин, оказавшийся рядом раньше остальных, направил на гадалку свою лошадь.

Женщина в страхе отступила, что-то пробормотала, и в следующий момент юркнула в толпу.

Карета снова тронулась.

– Дамы, вы в порядке? – юноша наклонился, стараясь поймать взгляд Мэй, но та быстро отвернулась и откинулась на спинку сидения.

Лайи ответила ему натянутой улыбкой:

– Все хорошо.

Молодой человек задержался еще на пару секунд, но поняв, что та, о ком он грезит, ему не ответит ни словом, ни жестом, оставил их.

– Добро пожаловать в столицу, – вздохнула Лайи, задернув занавеску на окошке кареты.

Карета вскоре оказалась на просторном внутреннем дворе королевского дворца. В отличие от замка герцогов Эрития, который изначально был возведен как крепость, королевская резиденция никогда не знала необходимости обороны. Здесь все говорило о власти, богатстве и изысканности.

В центре двора возвышался мраморный фонтан: мифические существа – лошади с рыбьими хвостами, высились посередине, подняв головы вверх и раскрыв рты, из которых лилась вода, в солнечных лучах мелькали яркие радуги. Фасад дворца сверкал позолотой.

– Насколько все отличается от Эритии, – тихо пробормотала Лайи, всматриваясь в высоченные арки, украшенные барельефами.

– Да, – выдохнула Мэй.

Мэй и Лайи вышли из кареты, присоединившись к герцогу и Иллану Трису. Телохранителей, отобранных для сопровождения герцога, было четверо. Остальные остались за воротами дворца. Придворный протокол позволял герцогу иметь при себе одного соратника и четырех человек с оружием. Понятное дело, что Иллан был скорее пятым телохранителем, чем соратником. Но фактически протокол нарушен не был.

Слуги и служанки, также приехавшие с ними из Эритии и прислуживавшие во время пути, а также домна Сердженция, тоже не имели права войти во дворец. Девушкам предоставят и слуг, и все необходимое. Вещи же доставят в покои, отведенные им до отбытия в Альвхайденгард.

И для Лайи это был первый шаг к тому, чтобы расстаться с прошлой жизнью навсегда. Мэй видела, как на мгновение изменилась в лице герцогская дочь. Нет, тем вечером в Эритии Лайи еще не осознала, что действительно прощается с родным домом. Понимание пришло лишь сейчас.

Мэй поймала ее руку. Лайи сжала ее ладонь и слабо улыбнулась.

Иоленти. Глава 7, в которой мы узнаем немного об истории отношений людей и фэйри

Возвращение из небытия на этот раз далось сложнее, чем обычно. Мало того, что перед самым проблеском сознания Варго провалился в сон. Всего на две или три минуты, но его кошмарам хватает и этого. В это краткое мгновение ему показалось, что он не смог вернуться, что его выкинуло снова на Поля Забвения. Лишь распознав в происходящем сюжет своего обычного кошмара, Варго'эл заставил себя проснуться усилием воли.

Оставалось мерзкое чувство, всегда преследующее его после этого сна, от которого он спешил избавиться любым способом. Оно мешало думать и действовать там, где это сейчас важно.

Варго'эл разжал пальцы все еще сжимающие пустую склянку.

Доза яда, необходимая для того, чтобы оказаться в небытии становилась все больше. А момент, когда нужно выпить противоядие, гарантирующее ему возвращение, приходилось оттягивать все дальше и дальше.

Вполне могло случиться и так, что однажды во внутренних покоях обнаружится его давно остывшее тело. Возможно, его труп пролежит так даже пару дней. Дворцовым слугам, даже его личным, фэйри, запрещено заходить во внутреннюю комнату покоев канцлера без его на то распоряжения под страхом смерти.

И его кончина, безусловно, принесет радость всему королевскому двору. И даже самой королеве. Канцлера ее величества королевы Хортланда ненавидели по многим причинам.

Во-первых, когда это придворные любили того, кто забрался так высоко? Варго это сначала было непонятным в человеческом обществе, потом показалось почти отвратительным, но сейчас скорее льстило и даже радовало.

Во-вторых, он был чужаком. И не просто чужаком. Варго'эл не был человеком. Он был фэйри.

Само по себе это ничего не значило. Между людьми и фэйри вражды не было. Королевство Хортланд вот уже пятнадцать лет вело активную торговлю и взаимовыгодный обмен знаниями и опытом с Альвхайденгардом. Многие фэйри переселялись в Хортланд, найдя его более благоприятным, чем бесплодный каменистый берег Северного моря, по которому узкой полоской тянулась страна фэйри.

Дипломатическую миссию Альвхайденгарда вполне приняли при дворе. После череды конфликтных ситуаций, спровоцированных самими людьми, на достижение взаимопонимания ушло прилично времени. Основной проблемой было не дать понять людям, насколько они важны для фэйри. Создать иллюзию, что все как раз наоборот. И Варго до определенной степени гордился тем, что это ему удалось, причем без прямого обмана. Ввести в заблуждение людей, не владеющих и крупицей магических умений фэйри, можно и безо лжи.

В-третьих, Варго'эл, маркиз Зейн, пользовался безраздельным доверием королевы Иоленти. Останься он просто послом таинственного для людей Альвхайденгарда, не имеющим к Хортланду никакого отношения, скорее всего, аристократы ограничились бы простой неприязнью и недоверием. Но когда появилась необходимость склонить ее величество к правильному для фэйри решению: разрешить переселенцам становиться подданными хортландской короны – он сам демонстративно испросил у королевы позволения называться ее подданным и верным слугой, и исполнить все условия для этого, а именно: никогда больше не говорить на языке фэйри, соблюдать обычаи королевства и принести клятву ее величеству.

Так из фэйри Двора Звезд он стал вассалом королевы Хортланда. И она наградила его вполне человеческим титулом и тем, что к этому титулу причиталось. Спустя несколько дней сделала его своим советником, а чуть позже канцлером.

Такое при дворе не прощалось никому. Ни фэйри, ни человеку.

Но Варго оказался для всех слишком высоко, практически недосягаем. К тому же он все еще оставался связующим звеном между Хортландом и Альвхайденгардом, принимая участие во всех переговорах, влияя на все решения глобально и в деталях.

Так что лишь Истоку или Творцу, которому поклонялись люди, было ведомо, скольким людям в Хортланде принесла бы злорадную радость весть о том, что канцлер королевы Варго'эл маркиз Зэйн умер во сне, да еще и от яда, которым сам же себя и отравил.

Почему-то эта мысль вызывала на лице канцлера удовлетворенную улыбку. Ну, уж нет. Не сейчас. Да и вообще, похоже, больше ему нет никакого смысла погружаться в небытие. Все события выстроились, как должно. Он теперь видел все очень ясно. Так что радоваться, созерцая его мертвое тело в его личных покоях, не придется ни многочисленным придворным, ни королеве, которая была бы, пожалуй, счастливее остальных, приключись с ним такая внезапная смерть.

Он улыбнулся, прикрыл глаза, проговорил вполголоса, обращаясь в пустоту:

– Думаешь, я не смогу пройти этот путь до конца? После того, сколько я прошел уже и сколько заплатил за то, что имею и чего не имею?

Исток не ответил. Исток никогда не отвечал. С начала времен Исток вел свою собственную игру, манипулируя смертными, будь то люди или фэйри, как инструментами в искусных руках.

***

Иоленти водила пером по бумаге, не вдумываясь в написанное. Чернила медленно впитывались, и вот уже подпись стояла там, где должна была быть. Она протянула документ придворному секретарю и взяла новый.

– Нет, – тихо произнёс Варго'эл.

Его голос был мягким, почти ласковым, но Иоленти знала, что за этой шелковой интонацией скрывается сталь. Она подняла взгляд. Перед ней стоял граф Ранвальд – грузный мужчина с проседью в волосах. Он явно ждал её решения, но когда Варго'эл наклонился чуть ближе, его губы дрогнули в напряжённой улыбке.

– Это я не могу удовлетворить, – спокойно сказала королева и отложила бумагу в сторону.

Граф Ранвальд кивнул, словно заранее был готов к такому ответу, и сдержанно отступил назад, уступая место следующему просителю.

Слева от королевы сидел Видальд. Так было положено. Король-консорт должен присутствовать на дворянском собрании, пусть он и не имеет решающего голоса. Он лениво перелистывал документы, время от времени бросая взгляд на отложенные Иоленти бумаги. Иногда он негромко вздыхал, иногда поправлял рукав камзола, проводя рукой по вышивке, одергивая кружево.

Он её раздражал.

Не из-за своего молчания. И не из-за своего присутствия.

А из-за скуки, написанной на его лице.

Видальда не интересовало то, чем они сейчас занимаются. Но причины у него были иные. Иоленти была вынуждена перестать вникать во все дела – какой в этом смысл, если решения все равно принимает ее канцлер, а она никак на них не влияет? Видальд же просто никогда особо не слушал и не обращал внимания на решения, просьбы, прошения, требования… Отстранился от всего этого с самого начала, с первых же дней…

Хотя, нет, в самом начале он делал слабые попытки участвовать в обсуждениях. Но это было так давно.

– Далее, – тихо сказала она, заставляя себя вернуться к бумагам.

Перед ней встал очередной аристократ – барон Донар, высокий, поджарый мужчина лет сорока, с осунувшимся лицом и нервно сжатыми пальцами. Он подал королеве прошение, и Иоленти, пробежавшись глазами по строкам, заметила знакомые слова: "Южные провинции", "угроза", "необходимость вмешательства".

Она выпрямилась. Этот вопрос можно было решить только через Варго.

– Что скажет канцлер? – обратилась она к Варго'элу, не поднимая на него взгляда.

– Задача не из простых, – медленно проговорил фэйри. – Придётся обратиться к послу Альвхайденгарда. Но будьте готовы заплатить высокую цену.

В зале повисло напряжённое молчание. Лицо барона стало каменным, он склонил голову. Думал ли он о цене? Понял ли сразу? Иоленти не знала. Но пауза затянулась

– У вас есть дочь. Средняя, – сухо произнес Варго'эл.

Донар вскинул голову:

– Ей тринадцать!

– Через пять лет она войдёт в возраст. Если я буду говорить с послом о вашем деле, то могу предложить, чтобы она стала одной из двенадцати дев Хортланда, что отправятся в Альвхайденгард через пять лет.

Иоленти не шелохнулась, сердце ее сжалось, но лицо оставалось спокойным. Варго перешел только что все мыслимые и немыслимые границы – открыто назначил ТАКУЮ цену помощи фэйри… И она, королева Хортланда, не может с этим сделать ничего.

Барон Донар бросил на нее взгляд, полный надежды. Неужели увидел в ее глазах тень сочувствия? Иоленти отвела взгляд.

“Нет, барон, я не могу тебе помочь. Ты потеряешь дочь через пять лет, а я уже давно потеряла самое себя…”

– Я… – проговорил Донар, – мне надо подумать…

– Не затягивайте, – ответил ему канцлер, – плата не так уж высока.

Барон собирался забрать свою бумагу и отойти от стола с поклоном, когда неожиданно заговорил Видальд:

– В этом нет ничего ужасного, – он откинулся на спинку кресла и чуть улыбнулся. – Подобный обмен несёт пользу и Хортланду, и Альвхайденгарду. Девушки живут там в роскоши. Это не хуже замужества с соседским бароном.

Барон бросил на него взгляд исподлобья, склонил голову в поклоне сначала перед королевой, затем перед ним, на Варго'эла он старался не смотреть, и отошёл в сторону.

***

Бесплодный Брег, самая северная часть континента, была безжизненной и пустынной. Ледяные воды Северного моря омывали его. Там бушевали вечные штормы, а бухты и заливы сковывало льдом еще в начале осени. Но четверть века назад впервые появились фэйри.

Пришли они откуда-то с севера. Говорят, что там дальше, скованный льдом и запорошенный снегом, лежит их родной континент. Но ни одному мореплавателю не удавалось достичь его. Лишь по неясным очертаниям вдали можно было предположить, что там где-то есть земля.

Сначала они высадились на островах, что были рассыпаны по Северному морю. Затем фэйри возвели первый город на самом Бесплодном Бреге.

Земли эти когда-то пытались заполучить и Хортланд, и Узмир, но голодные зимы и беспощадные штормы быстро остужали их пыл. Здесь не росло зерно, порты стояли замерзшими большую часть года, а холод порой становился смертельным.

Но фэйри это не остановило. Люди наблюдали, как они строят города – быстро, с лёгкостью, будто сама земля поддавалась их воле.

Впрочем, тогда никто не верил, что это надолго. Стужа заставит их покинуть эти места, как гнала отсюда людей.

Однако не фэйри покорились стихии, а стихия преклонила перед ними седую голову.

Прошло лишь несколько лет, и стало ясно, что появился новый сосед. Возникали и разрастались все новые города. И это не было выживанием – они процветали.

Впервые их посланники пришли к людям. Эти пришлецы желали говорить на равных, считая, что у них есть что предложить. Они не носили оружия, однако за ними стояла непонятная людям, непостижимая сила – магия.

Их не были готовы принять. Ни в Хортланде, ни в Узмире, ни даже в Нимидии никогда не видели тех, кто не верит в богов, тех, кто не склоняется перед высшей силой, присвоив ее себе. Адепты Творца назвали их демонами, нечестивыми созданиями, что явились искушать смертных. Люди начали бояться. А страх – первый шаг к ненависти.

Напуганные короли Хортланда и Узмира не стали слушать речей. Первыми погибли посланники. Люди зарезали их, как скот, – быстро, жестоко, ударив в спину.

Их армии двинулись на север, а объединенный флот двух королевств отправился во льды. Ими руководила уверенность, что всё можно взять силой. А фэйри, пришедшие без оружия, не казались серьезным противником.

Но армии просто исчезали. Сотни, тысячи воинов пропали без следа. Те немногие, кто вернулся, не могли объяснить толком, что произошло. Их слова путались и разнились. Они говорили о тумане, о холоде, о внезапном безмолвии, в которое командиры уводили свои легионы. И те пропадали, словно их и не было.

Корабли не вернулись вовсе.

Война всегда наносит удар по благоденствию, какой бы она ни была. А война, в которой не было ни одного сражения, ни одной победы, ни одного поражения еще и сеет страх перед подобным врагом, который может победить, не вынимая меча из ножен. Пока людские королевства приходили в себя после такого поражения, по границе бесплодных земель всего за год вырос лес, будто бы он был здесь всегда, вековечный, густой, почти непроходимый. Бесплодный Брег стали называть страной фэйри. Сами же фэйри нарекли его Альвхайденгардом.

Фэйри прожили несколько лет, никак не проявляя себя. Они не ответили на агрессию королевств. Те, кто пытался преодолеть Охранный лес и пройти в Альвхайденгард, пропадали бесследно. Сами же фэйри не появлялись среди людей.

Но однажды их посланцы вновь пришли в Хортланд.

Голод – враг коварный. Он приходит не с армией и не с мечом, но рушит королевства быстрее любой войны. В те годы Хортланду грозила именно такая беда – не от клинка, а от пустых амбаров и полей, где колосья чернели и высыхали, не созревая. Люди покидали деревни, города полнились нищими. Они молили короля о помощи, но король сам не знал, как сразить невидимого врага.

Тогда, когда отчаяние подбиралось к самому сердцу Хортланда, когда даже ближайшие союзники не могли или не желали помочь, в столицу прибыли фэйри.

Они явились, как всегда, без угроз, без даров, не склоняли головы, но предложили помощь. И тогда они не потребовали ничего. Просто помощь от соседа, который может ее оказать.

Никто не подозревал, какую цену, в конце концов, заплатит и будет платить Хортланд…

Король Дамиан III не боялся принимать решения, даже если они противоречили воле церкви. Когда адепты Творца подняли голос, объявляя фэйри демонами, когда говорили, что лучше умереть с именем Творца на устах, чем принять помощь нечестивцев, он выслушал их – и принял фэйри.

Тот год вошёл в летописи Хортланда, но не как год голода, а как год изобилия. Поля, которые ещё весной выглядели мёртвыми, дали тройной урожай. Зерно сыпалось в закрома, осенью его было столько, что продавали даже в Нимидию. Магия фэйри и их умение подчинить себе землю и все, что на ней растет, сделали свое дело.

Король Дамиан принял этот дар от тех, кого люди так боялись.

Он встретился с посланниками фэйри вновь, теперь уже не как осторожный монарх, принимающий чужаков, а как правитель, понимающий силу и цену союза. Он заключил с ними соглашения, позволил их торговцам, лекарям, мастерам свободно ходить по землям Хортланда, и раскаялся в том, как поступил с первыми посланцами Альвхайденгарда его отец.

Так фэйри вошли в жизнь простых людей, поселились в деревнях и городах, стали обычной частью королевского двора.

Иоленти была ребёнком. Девочкой, которая не понимала, что в этом мире никакое чудо не дается бесплатно.

Ей было всего девять, когда фэйри вошли в тронный зал Хортланда, и она смотрела на них так, как дети смотрят на сказочных существ. Они были прекрасны, их голоса звучали, словно музыка. И среди них был Варго'эл.

Тогда он едва скользнул по ней взглядом, даже не говорил с ней. Но для неё этот миг запечатлелся в памяти. Его облик преследовал её во снах, в мечтах, в детских грёзах о прекрасном принце, что приходит из далёкого и недосягаемого мира, чтобы подарить счастье и любовь.

Как глупо. Как наивно.

Сейчас, вспоминая себя ту, маленькую Иоленти, заворожённую фэйри, она испытывала только горечь. Ей хотелось ударить эту девочку, выбить из неё эти глупые фантазии. Она бы хотела закричать ей в лицо: "Это не чудо. Это яд. Это проклятие".

Иногда, в особенно тёмные моменты, когда страх заполнял все её сознание, Иоленти ловила себя на мысли, от которой становилось по-настоящему страшно.

Лучше бы Хортланд вымер от голода, чем король, ее отец, позволил фэйри войти в свои земли.

Эта мысль пугала её. Она тут же гнала её прочь и проклинала себя за слабость, за отчаяние. Но затем приходила одна из тех ночей, щелкал замок потайной двери в ее спальне. И королева Хортланда, самого великого из трех королевств континента, правительница процветающих земель, понимала, что ей некуда бежать. И тогда проклятая мысль возвращалась.

Голод – это жестокая смерть для многих тысяч людей. Хортланд бы ослабел. Что тогда было бы, когда западный сосед, Узмир, пришел к ним с мечом? Смогли бы они себя защитить?

А фэйри... Они – это тень, которая медленно проникает в плоть, вытягивая жизнь, забирая всё, пока ты не остаёшься лишь оболочкой, потерявшей себя.

***

Глашатай объявил:

– Дворянское собрание окончено. Следующее состоится через двенадцать дней.

По залу прокатились разочарованные вздохи и приглушённые возгласы тех, чьи прошения так и не были выслушаны. Иоленти не обратила на них внимания. Она сложила руки на столе, наблюдая, как аристократы покидают зал, раскланиваясь перед ней и друг перед другом.

Видальд поднялся первым, как того требовал этикет, и протянул Иоленти руку. Она позволила ему помочь ей встать, и они вместе направились к выходу. Варго'эл, как всегда, следовал за ними. Затем, не отставая, двинулись телохранители королевы и короля-консорта.

За дверью их уже ждала камеристка королевы, Грисель Джарди, и несколько придворных свиты короля.

Иоленти резко выдернула руку из ладони Видальда.

– Я отправляюсь в свои покои, – бросила она Грисель, не глядя ни на мужа, ни на канцлера. – Следуйте за мной, леди Джарди.

Камеристка присела в коротком реверансе, моментально откликнувшись на приказ.

Иоленти по-прежнему избегала смотреть на Варго'эла, но позволила себе раздражённый, короткий взгляд на Видальда.

Король-консорт лишь кивнул ей в ответ и произнес:

– Хорошего дня, ваше величество, – в голосе его сквозила скука.

Иоленти не ответила.

Она шла быстро, почти бежала. Она хотела уйти. От всех. От скуки Видальда, от чужой властной тени за спиной. От взгляда, который, казалось, прожигал её даже сквозь стены.

Ты не скроешься от него.

Мысль билась в голове, как запертая в клетке птица. Даже в своих покоях королева не будет в безопасности. Но хотя бы днём, когда вокруг суетились слуги, фрейлины, горничные, лакеи – когда королевские покои были наполнены звуками и людьми – она могла позволить себе надеяться на короткий, зыбкий миг спокойствия. Он не посмеет! Не настолько он чувствует свою безнаказанность!

Она вошла в свои комнаты, но, не замедляя шага, направилась дальше, в ее личную часть покоев, куда не было доступа ни у кого, кроме личной горничной, камеристки и…

Он не посмеет днем!

В музыкальной гостиной играли на лютне, и в мелодию вплетался красивый звенящий голос. Кто-то пел завораживающе, словно магия была вплетена в саму песню.

Фэйри.

Мысль хлестнула, словно плеть. Это была одна из них. Возможно, кто-то из посольства. А может, одна из тех, что, подобно Варго'элу, приняли подданство Хортланда. Теперь они стали частью её мира, заполняли её двор, её королевство, её собственные покои…

Иоленти не остановилась, зажав ладонями уши.

Нет. Не хочу слушать.

Она развернулась и, почти побежав, пересекла гостиную, вбежала в распахнутые лакеями двери в свою спальню. Тут же потребовала закрыть их, едва камеристка проскользнула за ней.

Внутри было тихо. Тишина была ее спасением. Она оперлась руками на спинку стула. Ноги гудели, ломило поясницу.

Она вдохнула резко, прерывисто, словно задыхаясь, проговорила:

– Помоги…

Грисель не надо было повторять дважды. Она ловко подскочила, расстегнула застежки тяжелого платья. Иоленти тут же скинула его на пол, а камеристка распустила корсет и помогла королеве от него избавиться.

Иоленти рухнула в кресло, закрыла глаза. Тишина и покой. Немного хотя бы несколько минут.

Она никак не могла справиться с одышкой, на лбу выступил пот. Внимательная Грисель тут же промокнула лицо королевы влажным полотенцем и подала бокал с водой. Иоленти приняла его, сделала пару глотков. Пальцы подрагивали.

Так нельзя… Нельзя… Она хотя бы внешне должна сохранять спокойствие.

Тонкая нижняя рубашка из тончайшего невесомого батиста теперь подчеркивала формы, легла складками вокруг округлого живота.

Такое не принято было демонстрировать при дворе. Платья королевы, со специально завышенной талией, вполне справлялись со своей задачей – задрапировать, скрыть то, что не должно бросаться в глаза. И Иоленти была бы рада сама не видеть, не осознавать…

Королева бросила взгляд на живот, испытывая смесь отвращения и страха. Ребёнок появится на свет совсем скоро.

Рождение второго ребёнка в королевской семье – это радость. Элдред, их с Видальдом первенец, уже занял своё место как ее наследник. Ему три года, и он подрастает под пристальным вниманием двора.

Но одного наследника мало. Династия должна быть крепка. Сильна.

Если родится сын – это будет триумф. Второй принц укрепит корону, станет опорой брату… Или же заменой, если с Элдредом что-то случится. О таких вещах не принято говорить вслух, но каждый понимает: слишком многое держится на одном ребёнке.

Таким ребенком когда-то стала Иоленти – единственная дочь своего отца. Увы, никто из ее братьев и сестер не дожил даже до своей третьей зимы. И теперь на ней вся ответственность за будущее Хортланда. И за управление страной, и за то, чтобы у нее же были наследники.

Но страх, холодный и липкий, сжимал сердце.

Ребёнок может родиться полукровкой! Только наполовину человеком! Полуфэйри!

Что если новорождённый не будет похож на неё или на Видальда? Если вместо тёмных волос отца или золотистых матери, на свет появится дитя с серебристо-белыми прядями? Если его глаза будут льдисто-голубыми – не серыми, как у неё, не темно-карими, как у короля-консорта, а чужими глазами Варго'эла, ее канцлера?

Этот позор невозможно будет скрыть во дворце… Одно дело – бастарды короля. Но королева, родившая бастарда… от фэйри…

– Что мне делать, Грисель? – прошептала Иоленти, – что мне делать?

Грисель опустилась на колени перед королевой и, посмотрев на свою правительницу снизу вверх, поймала ее взгляд.

– Ваше Величество… – голос камеристки дрогнул. – Мне больно видеть, как вы страдаете. Больно видеть, как это медленно ломает вас… Варго'эл.

Иоленти вздрогнула, но не отвела взгляда.

– Тихо! Не произноси его имени!

Грисель продолжила говорить настойчиво.

– Он – корень всех наших бед. Вашего величества и всего Хортланда, – её голос стал еще тише.

Иоленти сжала пальцы камеристки, будто ища в них опору.

– Ты думаешь, я не знаю этого? – зашептала она, – думаешь, я не мечтаю избавиться от него? Но как? Как можно что-то сделать, если он знает обо мне всё? Если он просто спросит, и я отвечу? Если я не могу не ответить ему?

Камеристка печально покачала головой.

– Я знаю, ты будешь со мной, Грисель, – прошептала королева. – Я совсем одна. Всё подчинено ему. И мой двор, и моя страна. Но ты будешь со мной…

Она прикрыла глаза, позволяя себе хоть на мгновение не видеть этот мир, не чувствовать тяжесть мыслей.

Тишина, мягкая и обволакивающая, опустилась на комнату.

Иоленти почувствовала, как тяжесть её собственного тела уходит, как сознание, будто не выдержав груза, погружается в дрёму. Лёгкую, зыбкую, не приносящую отдыха, но дающую короткую передышку от реальности.

Иоленти. Глава 8, в которой Иоленти пытается найти союзника, но понимает, что все тщетно

Солнечный свет проникал сквозь цветной витраж высокого окна, ложась на стены яркими пятнами. Личный кабинет канцлера был довольно светел и просторен, а кроме того, оформлен в стиле Альвхайденгарда. Меньше вычурности, которую так любят люди, больше функциональных вещей. И в то же время помещение выглядело больше личным убежищем.

Искусно выполненная деревянная доска для тёфля занимала центральную часть массивного письменного стола. Фигуры из тёмного и светлого дерева, вырезанные искусным мастером, изображали разного рода воинов: пеших мечников, рыцарей и лучников. А вместо привычного короля в центре стояла фигурка королевы, увенчанная миниатюрной золотой короной.

Варго'эл откинулся на спинку высокого кресла, глядя в окно, словно игра его и не интересовала. Его тёмно-фиолетовый камзол с узкими рукавами и стоячим воротником резко контрастировал с одеждой сидящего напротив альвхайденгардского посла в традиционным одеянием фэйри: длинной туникой с разрезными рукавами из серебристо-серой ткани поверх белой сорочки.

Соперники не торопились заканчивать игру, да и азарт их был весьма сдержанным. Фигуры перемещались неспешно, с тихим стуком занимая свои позиции. Нападающие постепенно сжимали кольцо, в то время как защитники выстраивали путь для королевы. Игра была лишь фоном и предлогом, занятным времяпрепровождением не более того.

Тэриэн'эл передвинул фигуру, его пальцы на мгновение задержались на ней, прежде чем он убрал руку, словно сомневался в своем решении, однако поменять его было уже невозможно. Варго'эл наблюдал за доской лишь краем взгляда – его внимание привлек пустой кубок. Лёгкий взмах рукой, и слуга, стоявший в тени, поспешил наполнить бокал. Светлая жидкость с мягким ароматом мёда наполнила его на три четверти.

Посол Альвхайденгарда приподнял кубок, поднеся его ближе, вглядываясь в прозрачную глубину напитка.

– Напоминает нектар нис, – отметил он задумчиво, сделав небольшой глоток.

– Но лишён его сути. Все земли людей таковы – как отражение Эльлисара в мутной воде, – проговорил Варго.

Тэриэн'эл приподнял брови, но на собеседника не посмотрел.

– Чего тебе здесь не хватает, рэйн Варго’эл? – негромко спросил он, не отрывая взгляда от доски.

– Быть может, той свободы действий, которой обладали фэйри, как хозяева в своего мира? – Варго’эл переставил, почти не глядя, фигурку королевы.

Посол все же поднял на него взгляд:

– И к чему мы пришли? Люди, не зная магии, не знают и Проклятий.

Королевский канцлер усмехнулся.

– Люди воюют. Отчаянно и беспощадно. Враждуют в течение жизни целых поколений. Достаточно вспомнить недавнюю войну с Узмиром. Они стирали с лица земли целые города, жгли и убивали. И с той, и с другой стороны хватало неистовства и хаоса. К тому же… рэйн Тэриэн’эл, ты считаешь, что одной нашей магии хватило бы…? – он замолчал, глядя на собеседника.

Тот покачал головой, вернулся к игре, проговорив:

– Предпочитаю не тешить себя подобной мыслью, – посол переставил одну из своих фигур, рассчитывая поймать королеву противника в ловушку. – До меня доходят неприятные слухи, рэйн Варго'эл… или как теперь тебя называют? ваша светлость, маркиз Зэйн?

Варго посмотрел на него с ленивым интересом.

Тэриэн продолжил:

– Ходят странные слухи, – он передвинул одного из своих "нападающих" так, чтобы перекрыть королеве путь к спасению. – Поговаривают, что влияние канцлера-фэйри на королеву Хортланда слишком велико. Что она будто не имеет своей воли.

Варго'эл улыбнулся, поднося кубок к губам.

– И чем это может навредить фэйри? – спросил он, сделав небольшой глоток. – Я её подданный. Разве это забота Альвхайденгарда?

Он передвинул "защитника", зажав "нападающего" между двух своих фигур. Тэриэн'эл вынужден был убрать его с поля.

– Это не понравится файрину Альвхайденгарда, если он узнает, – ответил он. – Хотя ты объявил себя подданным Хортланда, у тебя остались обязательства перед нашим общим сюзереном. Ты всё ещё файрин Двора Звёзд.

Варго'эл передвинул защитника ближе к краю доски, прикрывая королеву.

– Интересовался ли Калиад'эл напрямую моими делами? – в голосе его не было тревоги, лишь ленивое любопытство.

Тэриэн'эл чуть помедлил, прежде чем признать:

– Нет.

Варго'эл поставил кубок на стол и взглянул на посла в упор.

– Так вот когда он призовёт меня к ответу, я отвечу, – он говорил спокойно, даже чуть улыбаясь. – А пока, рэйн Тэриэн'эл, тебе придётся смириться с тем, что я служу и Альвхайденгарду, и Хортланду лучшим из возможных способов.

Посол вновь посмотрел на доску, оценивая ситуацию.

– Служба двум сюзеренам никогда ни к чему хорошему не приводила, – заметил он, сделав очередной ход.

– Неважно, к чему это приведёт меня.

Варго'эл вновь переместил королеву. Всего один ход, и она оказалась на последней клетке. Партия была сыграна. Тэриэн'эл взглянул на доску, скользнул взглядом по фигуркам и коротко кивнул, признавая победу соперника.

– Интересная игра, – заметил он, – как упрощенный эл'хай.

– В ней есть своя прелесть, – все тем же ленивым тоном протянул Варго. – Тот, кто полагает, что она слишком проста, уже проиграл…

***

Иоленти медленно шла по галерее, едва касаясь ладонью тёплого каменного парапета. В воздухе витал аромат свежей листвы, нагретой солнцем земли и первых цветов, распустившихся в саду. Во дворце перед большим приемом царила суета: в залах слуги натягивали новые гобелены, расставляли свечи, развешивали цветочные гирлянды, полировали мраморные полы до зеркального блеска.

Грисель Джарди следовала за Ее Величеством, бесшумная, невесомая, словно призрак. Взгляд её был опущен, но это не значило, что она ничего не замечала. Грисель всегда видела больше, чем говорила, и знала больше, чем должна была знать.

Она всегда была рядом безмолвным напоминанием о том, что даже в этом холодном, полном интриг мире есть кто-то, кому можно доверять.

Единственная, на кого могла положиться королева.

Иоленти не думала о приёме. Вернее, думала, но без интереса, словно наблюдала за событиями издалека. Двенадцать девушек, дочери знатных домов Хортланда, завтра отправятся

в Альвхайденгард. Красиво сказано – отправятся. Будто это их выбор. Будто их ждёт нечто иное, кроме заранее решённой судьбы. Никто не скажет этого вслух, но все знают: они – плата. Сделка.

Шёпотки и слухи о фэйри разносятся по дворцу. Разные слухи, безумные и нелепые, одновременно правдивые и лживые. Одни говорили, что в Альвхайденгарде фэйри держат гаремы. Другие – что они не знают, что такое супружество, и женщины там ничем не отличаются от мужчин. Еще утверждали, что девушки становятся игрушками в их руках.

А правда ли это? Кто знает.

Иоленти знала. Знала больше, чем хотела бы. Но она будет молчать.

Можно жить и так.

Можно прожить жизнь, глядя сквозь пальцы на сделки, на потери, на вырванные с корнем судьбы. Хортланд процветает. Он богат. Его минуют эпидемии, наводнения, войны. Его обходят стороной катаклизмы.

Разве не к этому должен стремиться любой правитель?

Иоленти не поняла, в какой момент осталась на галерее одна. Вернее, она заметила, что куда-то исчезли два гвардейца, неотступно следующие за ней везде, кроме её спальни, а камеристка то ли отстала, то ли отошла по какой-то незначительной причине.

Что-то шевельнулось в боковой арке, и перед ней внезапно возник человек.

Юноша. Лет двадцати, может, чуть старше. Высокий, с резко очерченными скулами и горящими глазами. Он шагнул вперед, но не осмелился подойти слишком близко, будто понимал, что одно неосторожное движение, и королева закричит.

Иоленти отпрянула, холод пробежал по спине. Она ждала, что из-за колонн выйдут гвардейцы, что вот-вот она услышит их торопливые шаги, и они закроют ее, защитят от вторжения в ее зыбкое спокойствие. Но вокруг было пусто.

– Прошу вас, не зовите стражу, – заговорил юноша быстро, чуть срывающимся голосом. – Ваше Величество… мне нужна только минута.

Она молчала, не двигаясь.

– Я виконт Тарвиль, – представился он, торопливо, словно знал, что у него мало времени. – Я прошу лишь об одном. Спасите мою сестру. Кларэссу.

Имя ничего ей не сказало.

– Её… её отправляют в Альвхайденгард, – он дернулся, как от боли или отвращения. – Это горе для моей матери. Удар для отца…

Иоленти едва заметно повела плечами, сбрасывая внезапное оцепенение, и быстро огляделась. Где стража? Где Грисель? Почему никого нет?

– Я не могу ничем помочь, – произнесла она ровным голосом. – Ваш отец сам принял условия фэйри.

Юноша сдвинул брови.

– Вы же королева! – его голос задрожал от отчаяния. – Неужели вы не видите, что Хортланд порабощён?!

Иоленти смотрела на юношу, не зная, что ответить. В его глазах полыхала ярость, но за ней таилась боль, которую она не могла не заметить. Страх и сочувствие смешались в ней. Она покачала головой.

– Мне жаль, – только и сказала она.

Юноша хотел что-то возразить, но тут из-за колонны вышла Грисель.

– Довольно, – её голос был тихим, – виконт Тарвиль, уходите. Вы перешли границы дозволенного!

Он не двинулся.

– Уходите, иначе я позову стражу, – продолжила камеристка, в её голосе прозвучала угроза.

Юноша медлил. В глазах его плескался гнев, но отчаяния в них было больше

– Ну же! – Грисель сделала шаг вперёд. – Уходите!

Виконт бросил ещё один взгляд на Иоленти, но та не сказала ни слова. Он резко развернулся и исчез в боковом проходе, растворившись в темном коридоре.

Гвардейцы появились слишком поздно. Двое шагнули из-за колонн, как будто до этого не видели, что королева осталась одна. Виконт уже скрылся из виду. Грисель повернулась к ним, её лицо оставалось бесстрастным, и голос был холоден.

– Как вы могли оставить её величество одну?

Гвардейцы не ответили.

Грисель отвернулась и во взгляде её мелькнула странная искра, прежде чем она опустила голову, став снова прежней, сдержанной, едва ли имеющей свое мнение тенью Ее Величества.

Иоленти почувствовала, как дрожат её пальцы. Мысли спутались, словно клубок нитей. Она попыталась взять себя в руки, выровнять дыхание, но тревога никуда не уходила.

Со стороны сада донёсся звонкий беззаботный детский смех. Он звучал так неуместно, так резко контрастировал с её состоянием, что Иоленти захотелось повернуться и увидеть того, кому сейчас легко.

– Ваше Величество… – Грисель подошла ближе, но всё так же не поднимала глаз. – Вам лучше пойти в покои.

Иоленти покачала головой.

– Нет.

Грисель замерла.

– Но…

– Не пристало королеве пугаться своих подданных, – тихо сказала Иоленти.

Она посмотрела в сторону прохода, куда исчез юноша. Виконт Тарвиль. Он был в отчаянии. Это было очевидно. Он не угрожал ей, не пытался причинить вред. Он всего лишь искал спасения для сестры.

– Он хотел спасти сестру от фэйри, – промолвила она. – Разве можно винить его за это?

Она вновь двинулась вдоль галереи.

– Я хочу еще подышать воздухом.

Правда, королева остановилась, пройдя всего несколько шагов.

В саду, среди густых кустов жасмина и стройных кипарисов, бегал её сын. Светловолосый и сероглазый малыш, так на нее похожий.

Видальд играл с ним, кажется, позабыв о достоинстве, манерах и о том, что подобает или не подобает королю, пусть даже консорту. Он расставил ноги шире, наклонился вперёд, подняв мальчика на плечи, словно тот был маленьким всадником, держащимся за отцовские волосы вместо поводьев.

Элдред восторженно взвизгнул, раскинул руки, словно крылья, и заставил Видальда скакать по траве.

– Быстрее! – кричал он, смеясь.

Видальд покорно ускорил шаг, изображая резвого коня.

Иоленти смотрела на них, сжимая перила, а в её груди поднималось странное чувство.

Может ли он ей помочь?

Он её муж, отец наследника. В его жилах течёт кровь старого рода Эрития. Когда-то Эрития была самостоятельным королевством, и даже после вхождения в состав Хортланда знать герцогства сохраняла силу и влияние. Видальд мог бы заручиться поддержкой своих родственников, собрать вокруг себя союзников…

Но он никогда не стремился к власти.

Иоленти вглядывалась в его лицо, в его добродушную улыбку, в лёгкость, с которой он бросал Элдреда в воздух, ловил и вновь кружил. В нём не было ничего от человека, готового бороться и плести интриги…

Но если она не попробует, она никогда не узнает.

– Грисель, – тихо сказала королева.

Камеристка едва заметно склонилась в поклоне.

– Ваше Величество?

Иоленти отвернулась от сада.

– Может быть, Видальд… может помочь мне? Он происходит из ветви Эрития. Если бы он захотел, за ним встала бы их мощь.

Она услышала, как Грисель медленно вздохнула. Когда королева посмотрела на неё, в её взгляде было… презрение?

Но голос камеристки прозвучал ровно:

– Как будет угодно вашему величеству.

Иоленти прищурилась.

Она не знала, что в этот миг раздражало её больше: собственная наивность или молчаливый скептицизм Грисель.

***

...Вечерние сумерки уже окутали дворец, и свечи в коридорах отбрасывали длинные тени на украшенные барельефами стены. Иоленти шагала быстро, стараясь выглядеть не суетливой, а решительной. Чуть позади, как тень, за ней следовала Грисель.

Когда они остановились перед дверью в покои Видальда, камердинер короля-консорта вдруг побледнел, его пальцы сжались в нервном жесте, а взгляд забегал.

– Ваше Величество… – начал он, – Его Величество сейчас отдыхает… я не могу…

Голос Иоленти прозвучал холодно:

– Ты не можешь?

Камердинер попятился на полшага.

– Ваше Величество, я всего лишь… король-консорт не ожидает…

– Ты боишься, что я нарушу его покой? – её голос стал чуть мягче, но это не было признаком снисхождения. – Или ты боишься чего-то еще?

Камердинер отвёл взгляд.

– Я… – он сделал ещё одну попытку отговорить её, но наткнулся на ледяной, властный взгляд королевы.

– Открой дверь, – тихо, но чётко приказала она.

Он согнулся в поклоне и все же покорился.

– Я… я доложу, Ваше Величество.

– Разумеется, – холодно проговорила Иоленти.

Она ощутила горечь. Кто она в своем собственном дворце, если даже слуги не слушают ее?

Камердинер поспешно развернулся и исчез за дверью. Иоленти последовала за ним, даже не дождавшись приглашения. Грисель, шагая за королевой, молчала, но во взгляде её мелькнуло удовлетворение.

Камердинер толкнул дверь, но даже не успел толком доложить – Иоленти уже переступила порог.

Видальд был в гостиной, сидел в низком кресле у камина. Его камзол небрежно расстёгнут, рубашка расхристана, а на губах - блаженная полуулыбка. Королева лишь скользнула по нему взглядом. Все ее внимание сейчас занимал вовсе не он.

Она! Райлин'айт, фэйри, стояла рядом, чуть склонившись к Видальду, её серебристые волосы струились по обнажённым плечам.

Такая же, как Варго'эл. Тот же холодный оттенок глаз, тот же лёгкий, почти небрежный жест, когда она наклонилась, чуть коснувшись рукой плеча Видальда.

Иоленти словно окаменела.

Видальд лениво повернул голову в её сторону. В его взгляде не было страза или вины, только лёгкая досада, как у человека, уединение которого прервали в неподходящий момент.

– Иоленти, – сказал он, даже не потрудившись встать.

Королева не ответила.

Рука ее дрогнула, локтем она задела вазу, стоявшую на столике у входа. Глухой стук и звон фарфора нарушил тягучую, как мед, тишину.

Райлин'айт чуть приподняла брови, а на её губах мелькнула насмешливая улыбка.

Иоленти сделала шаг назад. Потом ещё один. А затем развернулась и практически выбежала из комнаты....

Королева бежала по коридорам, но каменный пол под ногами казался зыбким, как трясина. Её шаги, хоть и быстрые, отдавались в ушах глухими ударами, слишком тяжёлыми, слишком громкими. В груди бешено стучало сердце.

Она неслась мимо взирающих на нее со стен портретов предков, не понимая, куда бежит. Лишь бы оказаться как можно дальше от того, кого вынуждена называть супругом. Свечи в канделябрах потрескивали, пламя дрожало. От тёплого воска и каменной пыли в воздухе стоял слабый запах, и, кажется, именно он вызывал у Иоленти приступ тошноты.

Она остановилась, привалившись к колонне, тяжело дыша. Дитя заворочалось, словно недовольное тем, что она больше не двигается. Внезапно, в темноте арки возникла чья-то фигура.

Иоленти вскрикнула.

Варго'эл стоял прямо перед ней, положив одну руку на колонну. Серебристо-белые волосы переливались в свете лампад, а в льдисто-голубые глазах отражались оранжевые всполохи.

Иоленти замерла, оцепенев.

Секунда. Две. Три… Они тянулись целую вечность.

А затем Варго медленно, почти лениво, кивнул.

Ей хотелось броситься прочь, но ноги словно приросли к полу.

Они смотрели друг на друга, не произнося ни слова.

Иоленти чувствовала, как горит её лицо, как судорожно поднимается и опускается грудь. Она не знала, что именно отразилось в её глазах – страх, ненависть или отчаяние. Или, может быть, всё это сразу?

Варго ничего не сказал, а лицо его оставалось бесстрастным. Он просто ждал.

Ждал, когда она снова сбежит.

Иоленти отвернулась первой. Покачнулась. Тошнота стала почти невыносимой. Но нет! Она не позволит себе слабости, пока может. Не выкажет ее перед ним, не доставит такого удовольствия. Хотя она прекрасно знала, как мало нужно Варго'элу для того, чтобы она прямо сейчас сделала все, что он скажет, готова была к чему угодно по одному его слову или жесту.

Она пошла вперед, стараясь не обращать внимания на боль в спине, на страх того, что он может сделать.

Только когда зал, где она его встретила, остался позади, она снова смогла дышать.

***

В комнате царил полумрак. Единственная лампада мерцала у кровати. Пламя колебалось то медленно и плавно, словно дышало, то трепыхалось, как подбитая птица.

Иоленти не спала. Она лежала на широком ложе, но сон не приходил. Она знала, что сейчас произойдет. От тревожного предчувствия сводило мышцы, сердце глухо билось.

Приглушённый, почти неслышимый звук раздался за стеной, в скрытом проходе, ведущим прямо в её покои, замаскированном за гобеленами и деревянными панелями.

Ключ с легким щелчком повернулся в замке.

Отворилась дверь, забранная гобеленом, расшитым цветами и невиданными мифическими существами. В проеме появился едва освещенный светом лампады силуэт.

Варго'эл вошёл в комнату медленно и непринужденно, что всегда выводило её из себя. Его губы тронула лёгкая, насмешливая улыбка, а в глубине льдисто-голубых глаз отразилось дрожащее пламя. Его серебристые волосы мягко струились по плечам, в полумраке казалось, будто их оттенок меняется – то холодный, как лунный свет, то тёплый, в отблесках огня.

Он был невыносимо красив. Неестественно, пугающе, как что-то созданное не для этого мира.

Иоленти ненавидела его.

Ненавидела за то, что он так легко проникал в её комнату, в её жизнь. За то, что он улыбался так, будто всё происходящее было лишь их общей игрой. За то, что стоило ему произнести слово, и её гнев рассыпался в прах, оставляя лишь бессильное отчаяние.

– Ты меня ждала, моя королева? – его голос был мягким, почти ласковым.

Иоленти захотела ударить его. Убить…

Но вместо этого просто сжала пальцы в кулак. Потому что знала, что не сможет.

Королева чувствовала, как внутри бурлит ненависть. Она сидела, сжавшись, ногти больно вонзились в ладони, но боли она не ощущала. Всё внутри неё горело от страха, ярости и унижения.

Она желала ему смерти.

Если бы в её руках был нож, если бы у неё хватило сил, если бы не его проклятая магия… Она бы вонзила лезвие прямо в его сердце. Хотела бы она увидеть, как эта неестественная, нечеловеческая красота обращается в пепел.

Она не позволяла себе смотреть на него, но всё равно видела эту ленивую полуулыбку, его ледяные глаза, полные неизменного, самодовольного спокойствия, эту серебристую волну волос, что ложилась мягкими прядями на плечи.

Он обладал властью над ней. И она с ужасом ожидала того, что не замедлило произойти.

Её дыхание на мгновение сбилось.

Пелена тумана медленно опустилась на разум, укутала мысли, обволокла ее ненависть. Гнев и отчаяние исчезли, как тает иней с первыми лучами солнца.

Злость? Нет, она была чем-то далёким, туманным, как давний, почти забытый сон.

Мир поплыл перед глазами.

Она моргнула.

Как можно было видеть в нём что-то жестокое? Как можно было желать его смерти? Это был он. Её Варго. Он стоял перед ней, красивый, величественный. Она принадлежит ему. Ее жизнь и ее дыхание.

Она хотела к нему прикоснуться.

Хотела провести пальцами по его волосам, почувствовать их шёлковую мягкость, заглянуть в эти бесконечно глубокие глаза.

Всё, что было до этого: все её мысли, её гнев, её страх – растворилось.

Она больше не помнила, о чём думала мгновение назад.

Она не могла думать ни о чём, кроме него.

***

Тишина ночи окутывала покои мягким бархатным покровом, вбирая в себя все звуки, кроме едва слышного приглушённого дыхания двоих. Тяжёлые шторы были плотно задёрнуты, отсекая их от мира, пряча от чужих глаз, позволяя этой хрупкой минуте длиться чуть дольше.

Голова Иоленти покоилась на его плече, и её тонкие пальцы бессознательно сжимали шёлковую ткань его рубашки.

– Я не хочу снова тебя ненавидеть, – прошептала она, и в её голосе теплилось что-то неуловимое: не то просьба, не то мольба.

Варго'эл чуть склонил голову, нежно коснувшись ее щеки губами.

– Это часть нашей игры, – ответил он, его голос был низким, мягким, убаюкивающим. – Игра, в которую мы играем, моя королева. Мы должны доиграть её до конца.

Иоленти подняла взгляд. В её глазах не было страха, не было сомнений. Там была лишь слепая, пылкая преданность.

– Ты знаешь, – её голос был едва слышен, – я и так сделаю для тебя всё.

Варго'эл засмеялся, чуть откинув голову назад.

– Но как же игра? – усмешка в его голосе была мягкой, но в глазах плясали холодные огоньки. – Разве тебе она не нравится, моя королева?

Иоленти не ответила. Она ощущала, как её грудь наполняет тепло, как вся её сущность сейчас была отдана ему. Ему одному.

Страх был далёким воспоминанием. Сейчас существовала только любовь и восхищение.

Варго'эл молчал, пока его пальцы медленно скользили по её плечу, по тонкой ткани ночной сорочки, чуть касаясь ключицы.

А затем, почти лениво, он опустил ладонь ниже. На её живот.

Иоленти вздрогнула.

Мгновение назад она растворялась в его голосе, в его прикосновениях, в тёплом дурмане чувств, но теперь что-то внутри неё резко напряглось.

Она помнит.

Как бы ни тянуло её к нему в этот момент, как бы она ни боготворила его, как бы ни верила каждому слову, страх не исчез. Он ждал, спрятанный в самых глубоких уголках её сознания, и теперь снова всплыл на поверхность.

Варго'эл почувствовал её напряжение. Он медленно склонился к ней.

– Я знаю, что тебя тревожит, – прошептал он.

Она закрыла глаза. Снова мягкая волна, от которой все тревоги и страхи кажутся далекими и нереальными.

Конечно, он знает.

Он всегда знал. Её мысли, её сомнения – ничто не оставалось от него скрытым. Он чувствовал её так, как никто другой. Его пальцы чуть сильнее надавили на округлившийся живот, напоминая ей о том, что она боится произнести вслух.

– После приёма, – продолжил он, не отпуская её, – когда дочери лучших домов Хортланда отправятся в Альвхайденгард, ты уедешь в Коргет Кестль.

Она открыла глаза.

Коргет Кестль – резиденция вдалеке от столицы. Почти забытый, но крепкий замок, надёжное укрытие.

– Ты останешься там, – продолжал Варго'эл, его голос был спокоен, даже ласков, – до самого срока.

Он провёл пальцами по её животу. Медленно, неторопливо.

– А потом… – он усмехнулся, его губы коснулись её виска, – я избавлю тебя от всех твоих тревог.

И вновь холодок прошёлся по её спине. Она не ответила.

Мэй. Глава 9, в которой на Мэй обращают внимание, а потом не замечают вовсе

Под высокими сводами зала разлилось сияние магических светильников, освещавших пространство ровным, мягким светом. Они сотнями висели вдоль стен и под потолком, не отбрасывая теней и наполняя зал переливчатым свечением, от которого мраморный пол казался еще белее, а позолоченные орнаменты на колоннах сверкали ярче.

Арки анфилады были украшены барельефами – витиеватые узоры переплетались с изображениями сцен из истории Хортланда. Под ними тянулись галереи с ажурными балюстрадами, где, должно быть, находились музыканты, потому что в воздухе едва слышно звучала нежная, мелодичная музыка.

Вдоль стен стояли высоченные зеркала, обрамленные позолоченными рамами с резными фигурами. Они отражали роскошь зала: алые и лазурные ткани, драпировавшие стены, искусно вышитые гобелены, многочисленные изображения королевского герба: белой коронованной лилии на пурпурном щите.

В центре зала, на возвышении, находилось место, отведенное монархам. Королева, облаченная в наряд из тончайшего пурпурного шелка, восседала в великолепном кресле с высокой спинкой. Рядом с ней находился король-консорт, а по другую сторону – канцлер, облаченный в строгий бархатный камзол.

Зал был полон. Среди придворных – пышные наряды дам переливались драгоценными камнями, мужчины щеголяли в вышитых камзолах, богато украшенных эмблемами знатных домов. Но внимание невольно притягивали те, кто принадлежал к другому миру.

Среди толпы можно было заметить фэйри, одетых по человеческой моде: их камзолы и изящные платья ничем не выдавали их принадлежность к иной расе, если не считать тонких черт лиц, заостренных ушей, странно ярких глаз и нечеловеческой легкости движений.

И рядом с ними – несколько других, в одеждах Альвхайденгарда: длинные туники, широкие штаны из тончайшего шелка, прихваченные лентами у лодыжек, остроносые туфли и полупрозрачные накидки, переливающиеся серебром в магическом свете.

Весь этот блеск, все краски, шелест тканей и мягкий гул голосов наполняли зал ощущением грядущего торжества. Сегодня двенадцать девушек из Хортланда были здесь, чтобы отправиться в Альвхайденгард. И этот вечер был посвящен им.

Варго'эл стоял справа от королевы, за спинкой её кресла, соблюдая положенную дистанцию. Однако многие взгляды были прикованы именно к нему.

Его сиреневый камзол с серебристым шитьем, легкие перчатки и длинные, ниспадающие до запястий кружевные манжеты – все подчеркивало его неизменную элегантность. Свет магических светильников отражался в холодной глади его глаз, придавая взгляду отстраненность и надменность, и лишь легкая полуулыбка на губах смягчала это впечатление.

Неспроста цвета его одежд почти совпадали с цветом платья ее величества. Тогда как даже король-консорт Видальд одет в серое с золотом. Лишний повод обратить на себя внимание, продемонстрировать свое влияние на ее величество, увидеть тех, кого сие возмутило до глубины души, и тех, кто понял, что это повод задуматься.

Голос глашатая разносился под сводами зала, объявляя одну за другой:

– Иринея Валидиан, дочь графа Сенгара Валидиана!

Юная девушка в пышном платье цвета лидийских роз, с золотыми локонами и кукольным личиком, вышла вперед, подошла к возвышению, сделала реверанс и склонила голову. Королева Иоленти кивнула ей едва заметно. Девушка удалилась, уступая место следующей.

– Эльвина Трегор, дочь маркиза Освальда Трегора!

Одна за другой, они шли перед троном, неукоснительно следуя порядку церемонии. Их шелковые юбки шуршали по мраморному полу, драгоценности отражали белый магический свет, созданный придворными фэйри специально для королевы – особая гордость Хортландского двора. Людей так легко впечатлить даже самой простенькой магией.

Варго'эл наблюдал за каждой, подходящей к трону, внимательно, не отвлекаясь ни на мгновение.

Это был ход в большой игре. Шаг, который он должен был сделать.

Он не мог сказать, куда приведет этот путь, но знал, что он нужен Истоку. Это чувство, которое приобретает каждый фэйри, побывавший на грани жизни и смерти, переступивший грань, но сумевший вернуться из Полей Забвения. Знание, которое дарует Исток. Понимание, что есть выбор, и в то же время выбора нет.

Но в этом зале, среди этих девушек, была та, что важна Истоку.

Чем именно?

Он не знал.

Но потому и всматривался. В лица, в осанку, в движения. В оттенок их глаз, в дрожь рук, в тень эмоции, проскользнувшую на лице.

– Лайи Эрития, дочь герцога Виладия Эрития!

Имя, разнесшееся под сводами зала, заставило Варго'эла улыбнуться чуть шире. Дочь герцога Эритии – один из залогов удачи этого продуманного до мелочей хода. Удар по гордости герцога, и вместе с тем Виладий не может ничего сказать или сделать. Во всяком случае, открыто. Во всяком случае, пока. Он спас герцогство от мора, но отдает фэйри свою единственную дочь.

Быть может, это ее жаждет увидеть Исток в Альвхайденгарде?

Она вышла вперед легко, плавно, с той грацией, что дается лишь от рождения. Прямая осанка, изящные руки, сложенные, как подобает, у груди, блеск темных глаз. Черные, словно смоль, волосы, собранные в изящную прическу, открывали тонкую шею.

Но внимание его привлекло другое: узор ее магической ткани, той, что пронизывает все сущее. Впечатление было такое, как если бы в комнате, полной затянутых дымкой фигур, вдруг зажгли яркий свет. Ее узор был словно кружево, искусное, дорогое, выверенное в каждом завитке. Чистая гармония линий, идеально сбалансированная симметрия. Она была прекрасна по меркам фэйри. И дело тут не в чертах лица и изяществе фигуры.

Исток имеет на нее свои планы.

В этом Варго был уверен.

Лайи приблизилась к трону, готовясь совершить реверанс, когда вдруг раздалось:

– Лайи!

В зале стало тише.

Видальд, король-консорт, радостно подался вперед, забывая о церемониальном порядке. В его голосе не было ни должной сдержанности – только неподдельная радость.

Девушка вздрогнула и вместо поклона подняла голову, глядя прямо на короля. Уголки ее губ слегка приподнялись – робкая, невольная улыбка.

А потом она поняла, что только что сделала. Щеки запылали румянцем. Лайи опустила голову ниже, чем того требовал этикет, завершила реверанс и, больше не задерживаясь, поспешно удалилась.

Королева Иоленти не произнесла ни слова, но слегка повернула голову в сторону супруга – едва уловимое движение, но в нем читалось четкое неодобрение.

Варго'эл медленно выдохнул.

Нет.

Она может быть важна. Исток что-то задумал для нее. Но это немного не то…

Самой последней, двенадцатой, была Мэй Кэтрилан, дочь барона Кэтрилана.

Её присутствие в этом зале было не более чем поблажкой для герцога Эритии. Девушки столь низкого происхождения обычно не удостаивались подобной чести. Барон Кэтрилан был всего лишь вторым носителем своего титула – род его был молод, без глубоких корней и весомой истории. Ни знатности, ни связей, ни богатства. Даже внешность её ничем не выделялась среди придворных красавиц: худощавая, темно-русые волосы, карие глаза, ничего примечательного.

Её взяли лишь потому, что она сопровождала Лайи.

Мэй двинулась вперёд осторожной походкой, словно боялась оступиться на гладком мраморе.

Варго застыл, вглядываясь в нее, нескладную, глядящую на все с испуганным любопытством и восхищением, рассматривая ее узор, может не такой совершенный, как у дочери герцога Эрития, но…

Понимание пришло, заставив на мгновение потерять невозмутимость. Варго видел многое. Он знал тайны Истока, которые неведомы большинству фэйри. Но к такому оказался не готов.

Мэй Кэтрилан, значит… Вот как… Надо запомнить это имя. Однажды они встретятся в Альвхайденгарде, и ему следует быть готовым к этой встрече…

***

То, что Лайи куда-то исчезла, Мэй заметила почти сразу. Но церемония сначала требовала от нее отдать дань вежливости королеве, а потом стоять долго вместе с остальными девушками, слушая речь церемониймейстера. Лайи пропала уже тогда. И Мэй стало очень не по себе.

Заметил исчезновение дочери и герцог Эрития.

– Найди Лайи. Она не могла покинуть анфиладу, – слова его прозвучали как распоряжение. Он не спросил, где она. Никак больше не выразил беспокойства.

Эрития редко обращался к Мэй напрямую. И всегда только по делу. А, значит, пропажа дочери обеспокоила его не на шутку.

Впрочем, ей и не требовались понукания, она и без этого стала бы искать подругу сразу, как появилась возможность. Мэй долго ходила по залу в поисках Лайи. Среди придворных дам, обмахивающихся веерами. Среди кавалеров в расшитых камзолах. В бликах света на полированном мраморе, в отражениях магических ламп.

Лайи нашлась в дальней части зала, где было тише. Она стояла за одной из массивных колонн, чуть отвернувшись, словно пыталась спрятаться от всех.

– Лайи! – выдохнула Мэй с облегчением. – Ты куда пропала?

Та вскинула на неё взгляд черных глаз, ставших еще темнее на фоне этого блеска и великолепия, обеспокоенная и растерянная.

– Я опозорилась! – сказала она негромко. – Ты видела? Я подняла голову, когда должна была склониться!

– Но это ведь не твоя вина, – возразила Мэй.

– Вина или нет, но что обо мне скажут? Что подумала королева? – Лайи закрыла лицо руками.

Мэй погладила ее по плечу.

– Это всё король Видальд. Вот кто бесцеремонный! Разве не так? Разве не он все испортил?!

Лайи покачала головой, в глазах ее блеснули слезы.

И в этот момент раздался голос:

– Лайи! Вот ты где! А я не мог понять, куда делась моя племянница!

Видальд Этолин из дома Эрития, кузен отца Лайи, был намного моложе герцога, и всего на восемь лет старше своей племянницы.

Высокий, худощавый, но при этом удивительно статный, он двигался с лёгкостью, свойственной тем, кто привык к вниманию. Его черные волосы были аккуратно уложены, а такие же чёрные глаза светились живым интересом. В них не было надменности, присущей многим придворным – только искреннее веселье, оттенённое лёгкой тенью задумчивости.

Его можно было бы назвать красавцем. Правильные черты, выразительные глаза, чуть насмешливая улыбка на губах. Он смотрел на Лайи с искренним теплом, показывая всем своим видом, что действительно рад её видеть.

Мэй же с трудом подавила раздражение и злость.

Видальд, конечно, был королём, и она должна была быть с ним почтительной. И даже позволить себе подобные взгляды, которыми она сейчас одаривала короля-консорта, не имела права. Но в этот момент она чувствовала досаду и обиду – за Лайи. Если бы они были не в этом зале, не на виду у всей знати, она бы высказала всё, что думает о его бесцеремонности. Но сейчас… Сейчас приходилось сдерживаться.

Мэй отступила на шаг назад и опустила голову. Это можно было бы принять за почтительность, хотя на самом деле ей просто не хотелось встречаться с ним взглядом.

– Чем ты так расстроена, Лайи? – спросил Видальд, с улыбкой глядя на племянницу.

Мэй вздрогнула. Он спрашивает, как ни в чём не бывало? После того, как сам поставил её в неловкое положение?

Она больше не могла молчать.

– А как же иначе? – вскинула она голову, выступая вперёд. – Вы сами нарушили церемонию, Ваше Величество. И Лайи вызвала неудовольствие Ее Величества, королевы Иоленти. И это при всех этих… придворных.

Она увидела, как брови Видальда чуть приподнялись – и как он едва заметно смутился. Однако, как любой царедворец, он быстро нашел, что ответить:

– Признаю, виноват, – и неожиданно легко извинился: – позвольте принести свои извинения, – он слегка поклонился, и по его лицу скользнула озорная улыбка.

Теперь пришла очередь Мэй растеряться. Но Лайи, кажется, стало легче. Она глубоко вздохнула, убрала руки от лица и выпрямилась.

– Позвольте мне представить вам, Ваше Величество, – сказала она тут же, вспомнив об этикете: – Мэй Кэтрилан, моя подруга и спутница.

– Рад знакомству, – протянул Видальд, скользнув по девушке взглядом.

Мэй неохотно склонилась в реверансе.

– Что касается случившегося, Лайи, – Видальд снова повернулся к племяннице, – тебе не о чем беспокоиться. Большая часть придворных вообще ничего не заметила. А те, кто заметил, уже обо всем забыли.

Он улыбнулся ещё теплее, явно надеясь её подбодрить, потом повернулся к залу, помахал рукой и крикнул:

– Виладий, я нашел твою дочь! Она здесь!

Лайи напряглась. Мэй тоже не понравился этот громкий жест – словно его величество объявлял о ней на весь двор, не заботясь о том, хочет ли сама Лайи к себе такого внимания.

Герцог Виладий Эрития появился буквально через несколько секунд. Он двигался быстро, и его лицо оставалось бесстрастным. Подойдя, он коротко кивнул кузену, даже не удосужившись поблагодарить ни его, ни Мэй.

– Оставьте нас, – сухо произнёс он. – Мне надо переговорить с дочерью.

Мэй почувствовала, как Лайи напряглась ещё сильнее, но та покорно опустила голову.

Видальд вздёрнул бровь, но спорить не стал.

– Как прикажешь, – легко согласился он и, чуть склонив голову, внезапно подал руку Мэй, – идемте, леди Мэй. Там, кажется, начинаются танцы.

Мэй взглянула на подругу, потом на герцога, но тот резко добавил:

– Ты тоже.

Ей ничего не оставалось, как принять руку короля-консорта. Тот ободряюще улыбнулся, отвел ее на несколько шагов и только после этого сказал:

– Мой кузен все тот же вояка, каким был двадцать лет назад. Ни манер, ни чуткости. Простите меня, леди Мэй, если я вас обидел своей выходкой. Этикет при дворе – такая удручающе скучная штука. А я, действительно, рад видеть малышку Лайи. Не подарите ли мне первый танец?

И сердце Мэй смягчилось.

Музыканты заиграли, и Видальд повёл Мэй в центр зала, туда, где уже собирались пары.

Это была гальярда – весёлая, лёгкая, с быстрым темпом. В отличие от чинных, неторопливых паван, которые требовали лишь изящных поклонов и плавных шагов, этот танец напоминал Мэй праздники в деревнях, особенно гуляния на Тсам-Храйдс, когда по вечерам у костров собирались крестьяне, торговцы и молодёжь. Здесь, конечно, всё было строже – каждый шаг соответствовал придворному этикету, но в танце всё же сохранилось что-то живое, настоящее.

Видальд двигался легко и непринуждённо, с такой уверенностью, будто музыка подчинялась ему самому. Мэй, сначала напряжённая, постепенно позволила себе положиться на кавалера и отдаться музыке целиком. Когда мелодия смолкла, к ним приблизилась девушка-фэйри.

Мэй сразу заметила её сходство с королевским канцлером. Белоснежные волосы, чуть вьющиеся, собранные в затейливую причёску, холодные голубые глаза, пронзительные и бездонные.

Внезапно она положила руку на плечо короля-консорта, улыбнулась ему обворожительной улыбкой и проговорила:

– Ваше Величество ведь подарит следующий танец мне?

Что-то странное как будто проскочило перед взором Мэй. Она чуть отодвинулась от фэйри, а Видальд в этот момент выпустил ее руку и как будто тут же забыл о ней.

– Райлин'айт… – в его голосе послышались рассеянные нотки, а улыбка стала какой-то блуждающей.

Но прежде чем Мэй успела о чем-то подумать, к ней подошёл молодой человек и с лёгким поклоном пригласил её на следующий танец. Он тут же сам представился виконтом, имени его она не запомнила, и завладел всем ее вниманием. Мэй хотела, прежде чем принять приглашение, по правилам этикета спросить позволения у прежнего кавалера, но Видальда рядом уже не было. И она решила, что свободна от каких-либо обязательств.

Она оглядела зал в поисках Лайи. Подруга тоже стояла среди танцующих, а на ее лице была легкая улыбка. Мэй успокоилась. Наверное, герцог не стал винить дочь за оплошность. А может и вовсе не касался темы представления.

И Мэй приняла новое приглашение.

После виконта она танцевала ещё три или четыре раза – с кем-то из молодых лордов. Двор был велик, и казалось, что этот вечер – бесконечный вихрь улыбок, поклонов, плавных движений.

Наконец, почувствовав, что устала, девушка незаметно отошла в сторону, подальше от танцующих.

В зале стало нестерпимо душно. Воздух, пропитанный запахами вина и духов, казался тяжёлым. Повсюду звучали голоса, смех, музыка, и всё это сливалось в непрерывный поток шума.

Мэй провела ладонью по шее – кожа была влажной. Несколько выбившихся прядей липли к вискам. Она поправила их, но через мгновение они снова рассыпались.

Решив ненадолго уединиться, она вышла из зала и быстро нашла небольшую комнату, смежную с бальной. Здесь стояли несколько кушеток и пуфов, а у высокого окна сидели три дамы. Они обмахивались веерами, шептались и хихикали.

Мэй присела на кушетку с высокой спинкой, поправила платье. “Немного передохну, и вернусь”, – подумала она.

Но усталость накатывала волнами. Голова склонилась на бок, ресницы дрогнули. Мэй не заметила, как задремала.

Сон рассеивался медленно. Сначала пришло ощущение тяжести в теле, потом – приглушённые голоса.

– Время еще есть, Ваше Величество. И вы знаете, у Хортланда нет более преданных подданных, чем герцоги Эрития! Я прошу вас снова, найдите замену Лайи!

Мэй вздрогнула. Сон мгновенно улетучился.

Герцог!

Она уже было подумала, что это опять ей что-то нужно сделать, что он говорит с ней, но тут же поняла: Виладий говорил с кем-то другим.

Мэй выглянула из-за высокой спинки кушетки и тут же спряталась, замерев и затаившись, боясь даже дышать.

В комнате помимо нее было еще трое: герцог Виладий, стоящий на коленях, сама королева Иоленти и канцлер. Иоленти и Варго стояли вполоборота, и Мэй не могла разглядеть их лиц. Но Эритию она увидела, пусть и мельком, перед тем как нырнуть обратно, в свое укрытие.

Она никогда не видела отца Лайи таким. Виладий не был сейчас герцогом, не был господином своих земель… он был отцом Лайи, безмерно страдающим от скорой разлуки с единственной дочерью.

– Все было решено много недель назад, герцог, – голос королевы звучал глухо и бесцветно, – договор был заключен вами…

– Я поступил опрометчиво, Ваше Величество. Неужели нельзя найти ей замену? Варго… маркиз Зэйн, разве фэйри Альвхайденгарда не все равно, какая девушка прибудет, если ее назовут именем Лайи?

– Я не намерена больше обсуждать это! – королева слегка повысила голос. – Не вынуждайте меня, герцог, звать гвардию.

Тишина, потом шелест юбок и удаляющиеся шаги.

– Я говорил вам, – этот голос видимо принадлежал Варго’элу, мягкий и мелодичный голос фэйри, – королева не пойдет на уступки. И никогда не станет говорить с вами без моего присутствия и согласия.

Шорох… Виладий Эрития поднялся с колен.

– Варго, в моём лице ты сегодня обрёл врага, – звучал низкий, холодный голос герцога.

– Врагом больше, врагом меньше… Знаете, сколько их у меня? Что вы мне можете сделать? – спокойно отозвался канцлер.

– Вам, маркиз, придется теперь ходить оглядываясь, – в голосе герцога зазвучала угроза.

– Я мог бы сделать из вас друга за пять минут, ваша светлость. Вы были бы счастливы, что отдаете дочь в Альвхайденгард. Благодарны, по-настоящему благодарны, за спасение вашего герцогства. Но зачем? Все и так получили то, что хотели.

Наступила короткая пауза.

– Вы получили то, что хотели, герцог, – Варго говорил почти лениво, – мор обошёл вашу землю стороной. Разве вас обманули хоть в чем-то? Цена была оглашена заранее, вы на нее согласились.

Герцог тяжело выдохнул.

– Это ещё не конец, – процедил он.

Послышались удаляющиеся шаги. Герцог Эрития покинул комнату первым.

– Конечно, нет, – тихо согласился Варго, полагая, что остался один, – до конца еще очень далеко.

Он пошел не торопясь. Шаги его были так легки, что Мэй еще какое-то время после его ухода сидела замерев. Сердце стучало где-то в горле. Она понимала: знать, о чем сейчас говорили эти трое, очень опасно, пока она не покинула Хортланд.

Мэй. Глава 10, в которой Мэй и Лайи прощаются с прошлой жизнью окончательно, а Эйверин'айт начинает что-то подозревать

Путь от Лексхэйвена до Охранного леса, скрывавшего границу Альвхайденгарда, прошел спокойно, но очень утомительно. Теперь они ехали не одним своим кортежем, а целой кавалькадой – одиннадцать карет. В десяти ехали остальные девушки. И скорость их движения замедлилась раза в два из-за постоянных остановок.

В Истхине они попрощались с герцогом. Вернее, он попрощался с дочерью. А Мэй получила от него приказ беречь Лайи. Она и сама бы никогда не оставила подругу. Но сейчас ощутила на себе ответственность, как будто переданную ей герцогом.

Сама же Мэй постоянно держалась ближе к домне Сердженции, стараясь не встречаться взглядом с Орином и как можно реже попадаться ему на глаза.

Он несколько раз пытался заговорить с ней, поймать наедине во дворе постоялого двора или когда она выходила из комнат, в которых они с Лайи ночевали.

Один раз она все же собралась с духом, чтобы поговорить с ним. Но разговор этот не принес ничего хорошего.

– Орин, моя судьба решена, – быстро и тихо говорила Мэй.

Они стояли возле кареты, когда пришлось остановиться на привал, едва миновали Истхин – дорога здесь была ужасна, ее давно не чинили. И бесконечная тряска не пошла на пользу одной из карет. Пришлось останавливаться всем, чтобы приладить колесо.

– Тебе не стоит говорить со мной, – продолжала девушка. – Мой ответ будет прежним. Даже если не думать о том, что предлагаешь ты преступление, я никогда не желала избежать своей участи.

Орин хмурился, а в карих глазах читалось напряжение.

– Неужели ты действительно хочешь попасть в Альвхайденгард? – спросил он с горечью. – Стать игрушкой в руках фэйри? Разве ты не слышала, что говорят о них?

Мэй вздохнула.

– Дело не в том, чего я хочу, Орин. А в том, что я должна.

– Должна? – он усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли веселья. – Кому ты должна, Мэй? Это ведь Лайи – часть сделки с фэйри. Лайи Эрития, а не ты!

Она развернулась к нему и с жаром ответила:

– Если бы не фэйри, Эрития сейчас бы вымирала от эпидемии. Эта сделка спасла жизни тысяч людей!

Орин шагнул ближе, глядя прямо ей в лицо.

– А тебя? Кто спасёт тебя?

Мэй резко ответила:

– Я не прошу, чтобы меня спасали!

Он стиснул зубы.

– А я хочу… – Орин схватил её за руку, сжал пальцы. – Я люблю тебя, Мэй. Я всегда любил. И мне всё равно, что ты скажешь – я не позволю тебе просто исчезнуть.

От прикосновения к стальному наручу его доспеха кожу на руке защипало. Мэй отдернула руку. Железо всегда вызывало у нее неприятные ощущения, жгло, словно крапивой. Или как будто оно всегда для нее было слишком горячим.

Признание Орина так поразило ее, что она несколько секунд не могла найтись с ответом. А потом, к ее облегчению, появилась домна Сердженция, и отвечать ничего не пришлось.

Но в памяти вспыхнула неприятная картина: на выезде из столицы Мэй снова увидела ту самую гадалку, приставшую к ним, когда они только добрались до Лексхэйвена. Женщина в цветастых лохмотьях стояла на небольшом помосте и выкрикивала вслед удаляющимся экипажам:

– Фэйрины шлюхи! Подстилки! И вы сами, и дети ваши будут грязны! Испорчены мерзким колдовством!

Ее согнали оттуда, кажется, еще и ударили несколько раз, но поток ругательств не прервался, и долго еще стоял в ушах Мэй.

Кавалькада добралась до границы, где начинался Охранный лес. С высокого холма, на котором остановились всадники, открывался вид на бесконечную стену деревьев. Они вздымались к небу, а их густые кроны сплетались так тесно, что даже полуденное солнце не могло пробиться сквозь них. Казалось, что лес дышит, живёт своей собственной, тайной жизнью.

От его опушки до границ Альвхайденгарда был ровно день пути пешему путнику.

Пятнадцать лет назад в одном единственном месте была разомкнута граница Альвхайденгарда, и возведен Луи'занэр. Там впервые встретились два правителя – хортландский король Дамиан III и владыка земель фэйри Калиад'эл из Двора Ночи. Теперь же город фэйри был открыт для торговли с людьми.

Там девушек должны встретить, и там они навсегда попрощаются со своими сопровождающими.

Мэй откинулась на спинку сиденья, глядя в окно. Лес за пределами кареты казался бесконечным – ровные стволы деревьев, тянущиеся к небу, свет, пробивающийся сквозь листву. Они ехали уже много часов, и дорога всё не заканчивалась.

Внезапно её охватило странное чувство.

Она нахмурилась и выглянула наружу. Ни впереди, ни позади не было видно ни одного другого экипажа. Только они и сопровождающие их телохранители герцога. Карета двигалась в тишине, лишь лошадиное ржание и стук колёс по утоптанной дороге нарушали её.

– Лайи… – Мэй повернулась к подруге. – Мне кажется, мы отстали.

Лайи подняла голову, посмотрела в окошко и нахмурилась.

– Отстали? – она тоже выглянула наружу. – Почему вокруг так тихо?

– Домна Сердженция, – тихо сказала Мэй, обращаясь к своей наставнице. – Мне кажется, все остальные куда-то делись. На дороге только мы…

Женщина, до этого сидевшая с закрытыми глазами, тут же открыла их и в свою очередь посмотрела в окно.

– Действительно, – пробормотала она. – Надо остановить карету и выяснить, что происходит.

Но не успела она поднять занавеску, как лошади фыркнули и сбавили шаг. Затем экипаж замедлился ещё больше… и внезапно остановился.

Воцарилась напряжённая тишина.

Мэй почувствовала, как холодок пробежал у неё по спине.

– Что там такое? – спросила она, чувствуя, как внутри зарождается тревога.

За окном показался Орин. Он шел вдоль кареты, сжимая рукоять меча, и выглядел настороженным.

– На дороге преграда, леди, – коротко ответил он. – Закройтесь. Мало ли.

Домна Сердженция тут же отдёрнула занавеску, скрывая внутренность экипажа от посторонних взглядов. Лайи, побледнев, вжалась в угол, а Мэй не удержалась и наклонилась к щели между дверцами, пытаясь разглядеть, что происходит.

Преграда? Обычно такое случалось, когда на одиноких путешественников готовились напасть разбойники. Они кидали поперек пути срубленные деревья, а когда карета останавливалась, внезапно нападали со всех сторон.

Но разбойники? Здесь, у самой границы Альвхайденгарда? Как такое возможно?

– Именем герцога Эрития! – раздался впереди громкий голос. Это был Иллан Трис, командир их охраны. – Пропустите нас!

Из-за кустов вышло несколько человек, одетых во что попало, но вооруженных. Они взяли карету в кольцо, и защитники Мэй и Лайи явно были в меньшинстве.

Затем вперед выступил мужчина, явно предводитель разбойников. Одет он был богаче своих людей, хотя и неряшливо, а его лицо, поросшее небритой щетиной, выражало самодовольство. При каждом шаге многочисленные ножи и кинжалы, украшавшие его пояс и перевязь, звенели, как специально выставленные напоказ трофеи.

– Герцог Эрития? – он скривил губы в усмешке. – И что может твой герцог тут, в лесу? Вас всего восемь человек, а у меня три десятка бойцов.

Он скрестил руки на груди и лениво прищурился.

– Давайте так, – продолжил он. – Я приму всё ваше золото как плату за проход и не трону ваших пассажиров.

На мгновение повисла напряжённая тишина.

– Мечи к бою! – рявкнул Иллан Трис.

В тот же миг воздух прорезал свист, и первая стрела сорвалась с тетивы.

Мэй услышала сдавленный крик, но со своего места не могла разглядеть, кого ранило. Сердце сжалось от дурного предчувствия. В следующий миг всё вокруг словно полетело кувырком.

Разбойники бросились вперёд, и телохранители герцога мгновенно сомкнули кольцо вокруг кареты, преграждая нападающим путь. Клинки сверкнули в воздухе, звон металла смешался с топотом ног и яростными криками.

Мэй слышала, как домна Сердженция, прижавшись к спинке сиденья, торопливо шепчет молитвы Творцу. Лайи, белая как мел, сидела неподвижно, стиснув в руках ткань своего дорожного платья.

А Мэй не выдержала. Осторожно отдёрнув занавеску, она приникла к окну.

Первое, что она увидела, был Орин.

Он лежал у колеса кареты, оперевшись на руки, словно пытался подняться, но не мог. В груди его торчала стрела.

Мэй подалась вперёд, и Лайи, заметив это, вскрикнула, её голос прозвучал громче грохота битвы:

– Что ты делаешь?! Мэй! Остановись!

– Там Орин! Ему нужна помощь…

Лайи в панике схватила подругу за накидку, но Мэй дёрнулась, освобождаясь. Ткань затрещала, и в следующий миг она практически вывалилась из кареты, чуть не упав прямо под ноги нападавшим.

Чудом её не зацепило – в пылу боя никто не обратил на неё внимания.

Прижавшись к карете, Мэй осторожно двинулась к Орину. Любит она его или нет – не имело значения. Он был ранен, и оставить его умирать здесь она не могла.

Вокруг бушевала схватка. Разбойники атаковали со всех сторон, нанося удары мечами, кинжалами и топорами. Солдаты герцога сдерживали натиск, пока успешно – лишь двое получили лёгкие ранения, если не считать Орина. Но численный перевес был явно не в их пользу.

Мэй ощутила, как карета содрогается от ударов. Лошади тревожно ржали, шаткая конструкция скрипела, и в любой момент её могли перевернуть. Лайи закричала, но её голос утонул в шуме битвы.

Девушка добралась до Орина, когда раздался новый звук, прорезавший шум битвы – глухой, ритмичный топот копыт. Кто-то мчался по дороге со стороны границы Альвхайденгарда. Звук приближался быстро, слишком быстро.

Всадники вынырнули из пыльной дымки, словно тени из чащи леса. Их лошади – тонконогие, черные, стремительные, двигались с невероятной грацией, будто не касались земли. Блеснули странные доспехи – не из обычного железа, а из стали с голубоватым отливом, ловящей солнечные блики.

Мэй замерла. Эти всадники не могли быть людьми.

Раздалась короткая, отрывистая команда на незнакомом языке. Мэй услышала её, но смысл ускользнул – как если бы кто-то произнёс слова на ветру, изменчивые и неуловимые.

Разбойники заметались. Те, кто ещё секунду назад сражался ожесточённо, теперь в панике бросали оружие.

– Бежим! – крикнул кто-то.

Раздался отчаянный возглас Иллана Триса, но Мэй уловила лишь одно слово: “Леди Лайи!”

Но Лайи ведь была в карете! Ей ничего не грозит!

Она резко обернулась, но прежде чем смогла осознать происходящее, услышала другой голос, принадлежащий вожаку шайки:

– Нам не платили, чтобы мы дрались с фэйри! – и в следующий миг исчез в чаще.

Всадники не преследовали беглецов. Они лишь остановились, окружив карету и оставшихся на дороге людей. Их лица не скрывали забрала, они носили открытые шлемы. И Мэй действительно увидела фэйри.

***

Мэй сидела на земле, дрожа от волнения, но все же с облегчением понимая, что все закончилось. Разбойники исчезли в лесу, оставив после себя только следы борьбы – нескольких раненых, брошенное оружие и поломанные ветки. Всё произошло так быстро, что она не успела до конца осознать происходящее. Единственное, что было ясно – фэйри их спасли.

Она тяжело дышала, чувствуя, как напряжение отпускает её, но почти тут же другая мысль пронзила сознание: Лайи!

Мэй попыталась обернуться к карете, но Орин в её руках застонал и затих. Девушка ахнула, почувствовав, как он обмяк. Сердце сжалось от страха. Он был так бледен, что казался почти мертвецом.

– Орин… – прошептала она, судорожно сжимая его руку, как будто могла удержать его в этом мире одной лишь силой воли.

Она приподнялась, пытаясь понять, дышит ли он. Слабая, едва уловимая пульсация под пальцами дала ей надежду. Но долго ли он ещё протянет?

В этот момент рядом с ней оказался Иллан Трис. Он стоял напряжённый, сжимая меч, и пристально смотрел в сторону всадников. Они не двигались, просто стояли молча, их странные доспехи из бело-голубого металла мерцали в солнечном свете.

Мэй вскинула голову и с тревогой спросила:

– А Лайи? С ней всё в порядке? Её не тронули?

Она прикусила губу, ожидая ответа, но воин Эритии не спешил говорить. Его лицо было напряжённым, мрачным. Он не сводил взгляда с фэйри, словно был не рад их появлению и тому, как все закончилось.

Это молчание пугало её.

Мэй собиралась повторить вопрос, но в этот момент дверь кареты тихо скрипнула, и знакомый голос, чуть дрожащий, но всё же твёрдый, нарушил тишину:

– Всё в порядке.

Мэй повернулась и увидела Лайи. Та выглядывала из кареты, её лицо было бледным, губы поджаты, но взгляд оставался собранным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.